

ОГОНЁК

№ 24 ИЮНЬ 1971

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

«САЛЮТ» НАД ПЛАНЕТОЙ!

Плакат Вл. ДОБРОВОЛЬСКОГО.

ПЕРВАЯ ОРБИТАЛЬНАЯ

ПРИВЕТСТВЕННАЯ ТЕЛЕГРАММА

руководителей партии и правительства экипажу орбитальной станции «Салют» космонавтам товарищам Добровольскому Георгию Тимофеевичу, Волкову Владиславу Николаевичу и Пацаеву Виктору Ивановичу

Дорогие товарищи!

От имени Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР сердечно поздравляем вас с успешным прибытием на советскую научную космическую станцию «Салют» для выполнения нового задания Родины по исследованию и освоению космического пространства.

Ваш полет протекает в знаменательное время, когда советский народ с огромным энтузиазмом трудится над осуществлением грандиозных планов, намеченных XXIV съездом КПСС.

Выражаем уверенность, что вы с честью справитесь с этим ответственным и сложным заданием, выполнение которого явится большим вкладом в осуществление планов освоения космического пространства на благо советского народа и всего человечества.

Желаем благополучного возвращения на родную Землю!

Л. БРЕЖНЕВ Н. ПОДГОРНЫЙ А. КОСЫГИН

В соответствии с программой исследования околоземного космического пространства 6 июня 1971 года в 7 часов 55 минут по московскому времени в Советском Союзе стартовала ракета-носитель с космическим кораблем «Союз-11». В 8 часов 04 минуты корабль «Союз-11» выведен на расчетную орбиту спутника Земли.

Космический корабль пилотирует экипаж в составе командира корабля подполковника Добровольского Георгия Тимофеевича, бортинженера Героя Советского Союза летчика-космонавта СССР Волкова Владислава Николаевича и инженера-испытателя Пацаева Виктора Ивановича.

Целью полета корабля «Союз-11» является продолжение комплексных научно-технических исследований в совместном полете с орбитальной научной станцией «Салют».

...С 7 июня 1971 года орбитальная научная станция «Салют» стала функционировать как первая пилотируемая орбитальная научная станция.

В 10 часов 45 минут по московскому времени после успешно выполненной стыковки транспортного космического корабля «Союз-11» с научной станцией «Салют», которая была выведена на орбиту 19 апреля 1971 года, экипаж корабля «Союз-11» перешел в помещение научной станции.

Впервые решена инженерно-техническая задача доставки экипажа транспортным кораблем на борт научной станции — спутника Земли.

Процесс стыковки космических аппаратов проводился в два этапа. На первом этапе сближение корабля «Союз-11» со станцией «Салют» до расстояния 100 метров осуществлялось в автоматическом режиме управления. Дальнейшее сближение проводилось экипажем корабля.

После причаливания корабля «Союз-11» к станции «Салют» была произведена жесткая механическая стыковка аппаратов и соединение их электрических и гидравлических коммуникаций.

Затем космонавты проверили герметичность отсеков и работу бортовых систем станции, параметры микроклимата в отсеках состыкованных аппаратов, открыли крышки герметичного люка, соединяющего их, и по переходу вошли в помещение научной станции.

По данным телеметрической информации и докладу космонавтов, бортовые системы, агрегаты и научная аппаратура станции «Салют» после длительного полета в автоматическом режиме работают нормально.

Из сообщений ТАСС.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 24 (2293)

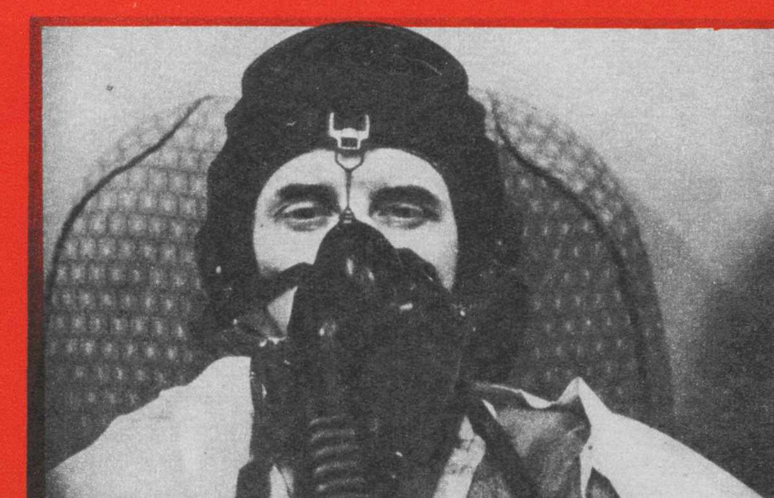
Основан 1 апреля 1923 года

12 ИЮНЯ 1971

Так проходила в космосе доставка экипажа на борт орбитальной научной станции «Салют». (Рисунок).

СОВЕТСКАЯ ОРБИТАЛЬНАЯ ПИЛОТИРУЕМАЯ НАУЧНАЯ СТАНЦИЯ СОЗДАНА!

Командир космического корабля «Союз-11» Г. Т. Добровольский в барокамере.

Экипаж космического корабля «Союз-11» (слева направо): инженер-испытатель В. И. Пацаев, командир Г. Т. Добровольский и бортинженер В. Н. Волков в рабочем кабинете В. И. Ленина в Кремле.
Фото В. Терешкова (ТАСС).

Инженер-испытатель В. И. Пацаев во время работы с телескопом на Бюраканской астрофизической обсерватории.

Бортинженер В. Н. Волков проходит комплекс медицинских исследований на велоэргометре.

Фото В. Мусаэльяна (ТАСС).

СЪЕЗД МОНГОЛЬСКИХ КОММУНИСТОВ

7 июня открылся XVI съезд Монгольской народно-революционной партии. На съезд избрано 784 делегата — представители рабочего класса, кооперированного аратства, народной интеллигенции.

Делегаты горячими аплодисментами встречают появление в президиуме Первого секретаря ЦК МНРП, Председателя Совета Министров МНР Ю. Цеденбала, члена Политбюро ЦК МНРП, Председателя Президиума Великого Народного хурала МНР Ж. Самбу, других руководителей партии, главу делегации Коммунистической партии Советского Союза члена Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС А. П. Кириленко, глав делегаций других братских партий.

Член Политбюро ЦК МНРП, сек-

ДОБРОЙ РАБОТ

Н. ДЕНИСОВ

...Уже который раз, собравшись возле телевизионных экранов или радиоприемников, миллионы людей с вполне понятным волнением наблюдают за стартами и полетами наших космических кораблей, слушают сообщения с высоких орбит. Нынче мы снова видим и слышим, как уверенно трудятся в космосе трое мужественных исследователей просторов Вселенной — Георгий Добровольский, Владислав Волков и Виктор Пацаев. Стартовав в прошедшее воскресенье на «Союзе-11», они сразу же приступили к трудоемкой работе, определенной обширной программой научно-технических наблюдений и исследований, и в том числе комплексом экспериментов на орбитальной научной станции «Салют».

Старт «Союза-11» сделал известными всему миру имена двадцать четвертого и двадцать пятого космонавтов, еще двух советских людей, поднявшихся на орбиту Земли,— командира корабля Георгия Тимофеевича Добровольского и инженера-испытателя Виктора Ивановича Пацаева. Космонавта-двадцать — бортинженера Владислава Николаевича Волкова, вторично вышедшего в космос,— знают всюду. Осенью 1969 года созвездие из трех кораблей — «Союза-6», «Союза-7» и «Союза-8» — в течение нескольких дней ярко горело в небе. Находясь тогда на борту «Союза-7», В. Н. Волков пробыл в космосе 118 часов 41 минуту.

Трое людей, несущих сейчас вахту над планетой, овладели космическими знаниями в годы, последовавшие за первым полетом человека в космос — Юрия Гагарина. Славное десятилетие этого легендарного полета они отметили там, где стартовал «Восток»,— на Байконуре. Минувший День космонавтики для экипажа «Союза-11» был заполнен напряженным трудом: вместе с другими специалистами все трое участвовали в подготовке к выведению на орбиту научной станции «Салют», а затем провожали в космос «Союз-10».

Когда «Союз-10» вернулся из своего полета, пожалуй, не было у экипажа более внимательных слушателей, нежели Георгий Добровольский, Владислав Волков и Виктор Пацаев, уверенных, что скоро придет и их черед подняться на орбиту. Каждого из них, естественно, не могло не интересовать — причем самым живейшим образом — все, что проделал экипаж «Союза-10» в полете, как поступали космонавты в том или другом случае, что видели, какие испытывали чувства. Члены экипажа «Союза-10» рассказали о том, как величественно выглядела созданная руками советских ученых и рабочих научная орбитальная станция «Салют».

— И на далеком и на близком расстоянии мы с волнением любовались этим замечательным сооружением,— говорил Владимир Шаталов.— Затем, когда шла стыковка, внимание обращалось на то, чтобы все было «по нулям», без отклонений ни в одной плоскости. Только после завершения программы совместного полета с «Салютом», когда расстыковались, «зависли» и начали из иллюминаторов осмотр деталей и узлов станции,— насмотрелись вдоволь. Почти полтора часа летали рядом, на очень близком расстоянии.

— «Салют» выглядел изумительно,— добавлял Алексей Елисеев,— на фоне далеких звезд плывет над Землей сооружение с огромным количеством приборов, всевозможных антенн, узлов. И крупными буквами на его светлом борту — «СССР».

— Станция долго шла за нами,— говорил Николай Рукавишников,— она была наклонена в пространстве, зеркально сверкала элементами, казалась неподвижной относительно нашего корабля... А под нею в голубой дымке скользила Земля, покрытая облаками, синел Тихий океан... Потрясающая картина!

Все это предстояло увидеть и им троим — Георгию Добровольскому, Владиславу Волкову и Виктору Пацаеву.

* * *

Всего за несколько дней до старта «Союза-11» Георгию Добровольскому, уроженцу солнечной Одессы, исполнилось сорок три года. Этот день рождения на сей раз пришлось провести на космодроме. Из Звездного городка пришла телеграмма от жены Людмилы Тимофеевны — преподавателя математики, подписанная и именами дочерей, двенадцатилетней Маши и четырехлетней Наташи. Было радостно получить ее. Но была в эти дни и другая радость: Государственная комиссия утвердила его командиром корабля, поручила руководить экипажем «Союза-11».

С отечественным воздушным флотом Георгий Добровольский породнился, еще когда был подростком,— в первый послевоенный год он закончил Одесскую авиаспецшколу и стал курсантом Чугуевского училища летчиков. Кстати сказать, с аэродромов этого училища в свое время на фронт ушел будущий прославленный советский ас Иван Кожедуб. Училище закончили также командир «Союза-7» Анатолий Филипченко и первый в мире космонавт, вышедший в открытый космос, Алексей Леонов — добрые друзья и товарищи Георгия Добровольского по Звездному городку.

Много трудностей довелось преодолеть ему на летном пути: осваивать новые, более совершенные самолеты, овладевать мастерством воздушного боя и перехвата скоростных целей, ночью, в ненастную погоду. Прочные авиационные навыки, прирожденное упорство, глубокие знания, отличная физическая закалка помогли Георгию Добровольскому в быстром освоении нового для него космического дела.

ретарь ЦК МНРП Д. Моломжамц сообщает, что на XVI съезд по приглашению ЦК МНРП прибыли делегации 50 коммунистических, рабочих и национально-демократических партий. От имени делегатов съезда, всех коммунистов и трудящихся страны он сердечно приветствует гостей.

Мы по-братски тепло и сердечно, говорит он, приветствуем делегацию великой партии Ленина — Коммунистической партии Советского Союза во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, секретарем ЦК КПСС А. П. Кириленко.

Бурными, продолжительными аплодисментами делегаты и гости, представители партий, прибывшие на съезд, выражают свои большие чувства дружбы и солидарности с КПСС, Советским Союзом, идущим в авангарде борьбы за мир, социальный прогресс, за счастье человечества.

На снимке: в президиуме XVI съезда МНРП. Слева направо: член Политбюро ЦК МНРП, первый заместитель Председателя Совета Министров МНР С. Лувсан, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС А. П. Кириленко, Первый секретарь ЦК МНРП, Председатель Совета Министров МНР Ю. Цеденбал, член Политбюро ЦК МНРП, Председатель Президиума Великого Народного хурала МНР Ж. Самбу.

Телефото специального корреспондента ТАСС В. Егорова.

ДРУЖЕСТВЕННЫЙ ВИЗИТ

В Москве по приглашению Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства с официальным визитом находился Президент Республики Кипр архиепископ Макариос. Его сопровождали министр иностранных дел Спирос Киприану, вице-министр при Президенте Патроклос Ставру, посол, директор протокольного департамента МИД Георгиос Пелагиас и другие официальные лица.

В Кремле 2 июня состоялись переговоры между Председателем Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорным и Президентом Республики Кипр архиепископом Макариосом. В ходе переговоров, проходивших в дружественной обстановке, состоялся обмен мнениями по вопросам дальнейшего развития советско-кипрских отношений, а также по важным международным проблемам, представляющим взаимный интерес.

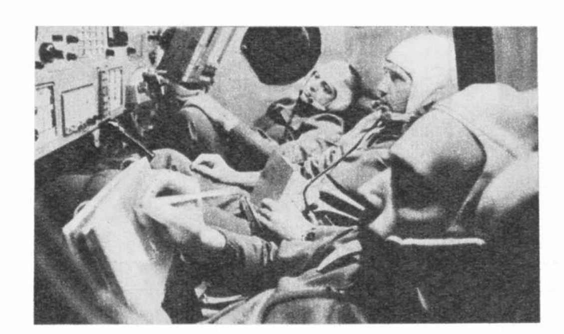
Президент Республики Кипр архиепископ Макариос ознакомился с жизнью советской столицы и совершил поездку по стране.

На снимке: перед началом переговоров.

Фото А. Гостева.

Ы!

* * *

В своей книге «Дорога в космос» Юрий Гагарин писал, что самые первые шаги отечественной космонавтики вызвали у молодого поколения нашей страны огромный энтузиазм, неудержимое желание приобщиться к сложному и заманчивому делу изучения звездного океана. Одним из таких неистовых энтузиастов оказался и молодой инженер Владислав Волков.

С детских лет он полюбил небо. Ведь он родился в семье самолетостроителей, и детство его прошло под рокот моторов Тушинского аэродрома. Одним из первых впечатлений были картины авиационных парадов в честь Дня Воздушного Флота, когда в синюю гладь неба советские летчики вписывали торжественные слова — «Ленин» и «СССР». В доме Волковых всегда было людно — частенько заходили товарищи родителей, работавших в конструкторском бюро, а также летчики и инженеры, жившие по соседству. Их разговоры о самолетах настраивали подростка на «авиационную» волну, свою будущую жизнь он видел накрепко связанной с небом, и только с небом!

И естественно, что, когда завершилась учеба в средней школе — 212-й, что на улице имени Зои и Александра Космодемьянских в Москве, — восемнадцатилетний Владислав Волков тут же направился в Московский авиационный институт, который годом раньше заочно окончил его отец. Автору этих строк довелось читать сохранившееся в институте сочинение, написанное абитуриентом В. Волковым на вступительных экзаменах. Искреннее, яркое, посвященное творчеству Маяковского, оно содержит немало глубоко патриотических мыслей, столь близких его автору и сейчас.

Став студентом, крепыш с вьющимися волосами и живыми глазами быстро завоевал добрый авторитет не только высокими оценками на зачетах, но и пристрастием к спорту — футболу, хоккею, боксу, теннису и ручному мячу. Работая инженером, в свободное время посещал школу спортивных тренеров, сумел закончить аэроклуб, стать авиатором-спортсменом.

Много радости было в семье, когда, успешно сдав в институте все государственные экзамены, Владислав Волков принес домой диплом авиационного инженера № 808642. Отцу казалось: теперь сын пойдет по его стезе, будет, как и он, самолетостроителем. Однако жизнь распорядилась иначе...

Развитие космической техники шло по восходящей. Еще продолжали летать первые «Востоки», а уже кипела работа над «Восходом»; готовились и рабочие чертежи более совершенных кораблей типа «Союз». Вскоре на первом «Восходе» поднялся в космос ученый Константин Феоктистов, с которым Волкову доводилось встречаться много раз. Среди коллег-инженеров все больше стали поговаривать о том, что для решения новых научно-технических заданий в экипажи космических кораблей будут входить специалисты различного профиля.

Вскоре Владислав Волков узнал, что Звездный городок собирается принять группу молодых инженеров для предкосмических тренировок. Он бросился к начальству, горячо убеждая, что в эту группу обязательно следует включить и его. В доказательство приводилось немало доводов и даже такой «неотразимый», как только что выполненный первый прыжок с парашютом. В конце концов «добро» было получено: вместе с Алексеем Елисеевым, Валерием Кубасовым Владислава Волкова допустили к космическим тренировкам.

Немало прошло времени, пока в сложных и трудоемких занятиях новички обрели должную «космическую форму» и их стали включать в экипажи кораблей. Первым в качестве бортинженера на «Союзе-5» поднялся на орбиту Алексей Елисеев. Затем в экипаж «Союза-6» включили Валерия Кубасова. На «Союз-7» бортинженером назначили Владислава Волкова. Шестьсот суток минуло с того дня, когда он вместе с командиром корабля Анатолием Филипченко и инженером-исследователем Горбатко ступил на вымытые осенним дождем бетонные плиты стартовой площадки, чтобы доложить председателю Государственной комиссии о готовности к полету.

Запомнилась такая деталь. Каждый из улетающих на «Союзе-7» держал в руках пухлый бортжурнал. Листы их крепились металлическими скобками, для удобства были разграфлены на разноцветные квадраты: желтый цвет — отдых, синий — научные эксперименты, красный — динамические операции. Все расписано по виткам вокруг земного шара. Бортжурналы кораблей Юрия Гагарина, Германа Титова, Валентины Терешковой и других командиров «Востоков» были куда более тонкими. С увеличением программы каждого нового полета возрастал и объем этих «космических» книг, на страницах которых всякий раз в интересах науки запечатлевается много бесценного материала.

Возвратившись через пять суток с орбиты на Землю, экипаж «Союза-7» привез свои бортжурналы, целиком заполненные лаконичными, но предельно точными записями о всем увиденном в космосе, о проделанной работе. А сделано было немало, и в том числе многократное маневрирование в составе звездной эскадрильи. Кстати сказать, многие видели с Земли, как оно происходило, когда в темном небе, на фоне ковша Большой Медведицы, быстро перемещались относительно друг друга три светлые точки — «Союз-6», «Союз-7», «Союз-8». Это был своеобразный групповой космический пилотаж...

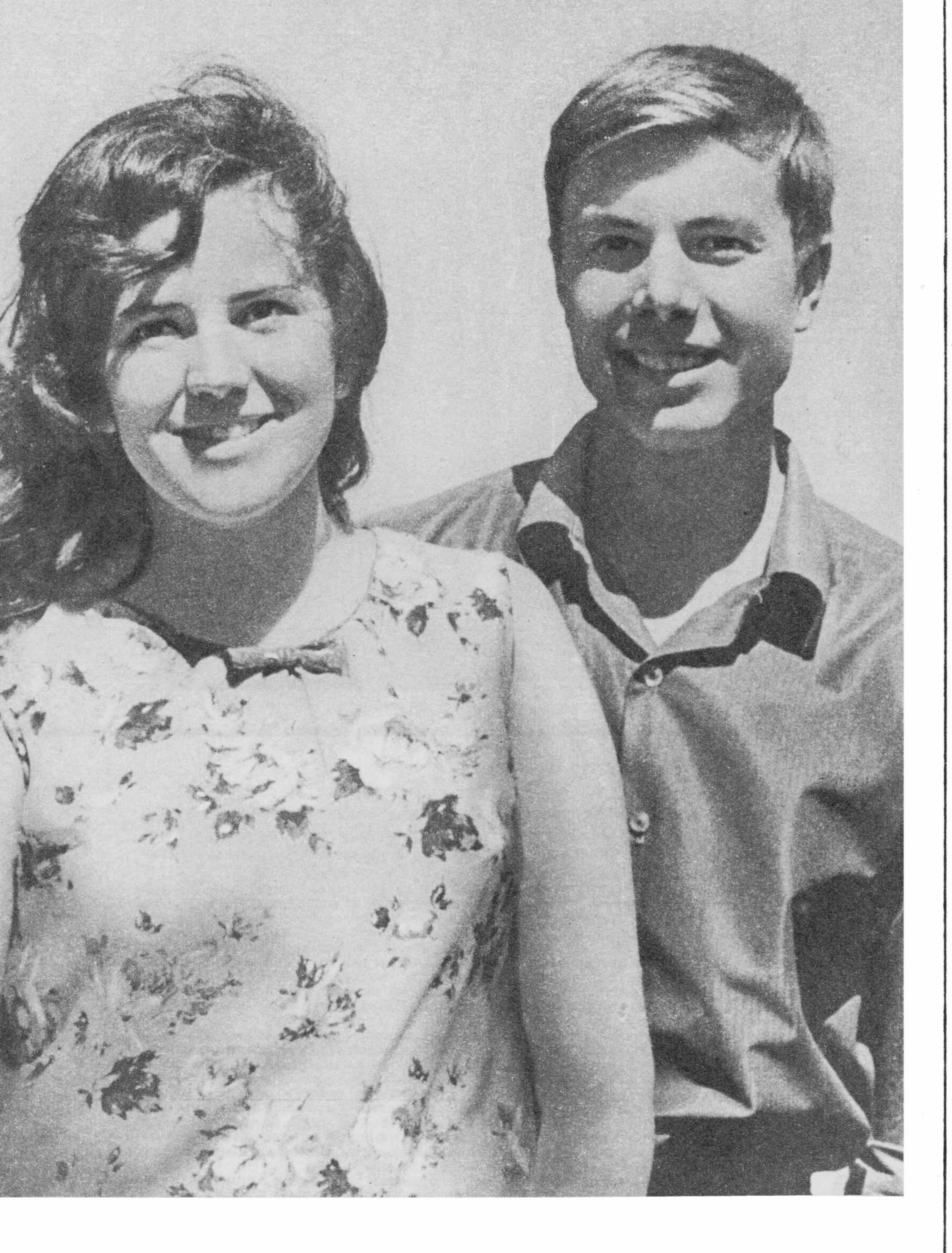
У каждого, кому посчастливилось подниматься на орбиту, быстро возникает стремление вновь пойти в космос. Не раз об этом мечтательно говорил Юрий Гагарин и другие его товарищи-космонавты. Не избежал подобной повторной тяги в звездный океан и Владислав Волков. Хорошо помнится, как, выступая на одном из вечеров в Центральном Доме журналиста, он говорил о том, сколь заманчивым был бы для него вторичный полет в космос. Кстати сказать, за последнее время журналистика для Владислава Волкова стала довольно близким делом: под его редакцией публикуются некоторые научные статьи в «Красной звезде», билет специального корреспондента которой и сейчас там, на орбите, лежит в кармане его полетного костюма.

* * *

Позывной у «Союза-11» для радиосвязи с Землей — «Янтарь». Еще в самые первые минуты после отрыва ракеты от стартовой площадки Алексей Леонов, державший на наземном командном пункте связь с кораблем, часто слышал голос «Янтаря-3» — инженера-испытателя Виктора Пацаева, который немедля приступил к своей работе.

Привольный Казахстан, в степях которого расположен Байконур, стал теперь для Виктора Пацаева дважды родной землей. На ней в 1933 году в Актюбинске он появился на свет, а через тридцать восемь лет, всего за несколько дней до очередной даты своего рождения, поднялся на орбиту Земли.

...В тот час, когда читатели развернут эти страницы «Огонька», в бортжурналы «Союза-11», украшенные Государственным гербом нашей Родины, будет внесено много записей о работе, проделанной в космосе тремя советскими людьми, тремя коммунистами — Георгием Добровольским, Владиславом Волковым и Виктором Пацаевым. И каждая из этих записей — свидетельство еще одного уверенного шага в освоении звездного океана, еще одна примечательная веха в развитии отечественной космонавтики, последовательно решающей трудные задачи в интересах народа, прогресса и мира.

МЫ ГОЛОСУЕМ!

Татьяна Новичихина и Александр Жерехов учатся в Рязани, в радиотехническом институте. Нынешний год для них знаменательный вдвойне. Таня и Саша сдали первую в своей жизни студенческую экзаменационную сессию. А 13 июня впервые получат бюллетени на избирательном участке и проголосуют за кандидатов в Верховный Совет РСФСР и местные Советы депутатов трудящихся. Как и все советские люди, Татьяна и Александр будут голосовать за свое счастливое, светлое будущее, за расцвет родной страны.

ГОР
У СОЛ

Молодость нового города.

О Д
ОВЬИНОЙ РОЩИ

А. СТАСЬ

Фото М. САВИНА.

Сто тринадцать новых городов появилось в минувшей пятилетке на карте Советского Союза. Избиратели одного из юных городов — Нового Роздола — дают интервью корреспонденту «Огонька».

Продолжение — на стр. 25.

Евгений ВУЧЕТИЧ,
Герой Социалистического Труда,
народный художник СССР

ЛЮДИ ПОДВИГА

Республика Советов готовилась отметить пятую годовщину создания своих Вооруженных Сил. АХРР совместно с Высшим военным редакционным советом РВС решили организовать выставку, которая так и называлась «V лет Красной Армии».

Председатель ВВРС вызвал тогда к себе художника-ахрровца Евгения Кацмана и передал поручение написать портрет Дзержинского.

Задача была ответственная, сложная и даже, как мы скажем теперь, организационно далеко не простая.

— Когда я попытался прийти к Дзержинскому,— вспоминает теперь, много лет спустя, Евгений Александрович Кацман,— начались осложнения и недоразумения. Прежде всего два или три дня меня к нему не допускали.

Времена были тревожные, конец 1922 года...

Но все-таки, как видите, портрет был написан и написан с натуры, а не по фотографиям, к помощи которых советовали прибегнуть художнику. Терпеливо, деликатно, но настойчиво Евгений Кацман добился, что предельно занятый Феликс Эдмундович позировал ему целых два дня. Сначала художнику была предоставлена возможность писать портрет в часы, когда Дзержинский работал за своим письменным столом. Затем, чувствуя затруднения художника, Феликс Эдмундович стал стараться, занимаясь делами, сохранять одну и ту же позу. И наконец:

— Оставалось только два сеанса,— рассказывает художник.— Как-то, углубившись в работу, я вдруг слышу слова Дзержинского, который глядит на мое, по-видимому, страдальческое лицо:

— Что нужно, чтобы облегчить вам работу?

— Очень немного — посидите специально для меня...

В последний день Дзержинский позировал два сеанса, утром и после обеда. Ему портрет понравился, он даже сказал, что портрет замечательный...

А сегодня этот, навсегда вобравший в себя дыхание напряженных и тревожных будней железного Феликса портрет зачинает экспозицию художественной выставки «Всегда начеку», открывшейся в Министерстве внутренних дел СССР.

Полотна, скульптуры, графические листы рассказывают о славном пути чекистов — солдат революции, которые беззаветно и отважно боролись против всех, кто мешал строительству молодого социалистического государства. Против контрреволюционеров и бандитов, саботажников и спекулянтов, шпионов и контрабандистов... Но, будучи непреклонными к врагу, эти стальные люди все тепло своих сердец отдавали простому человеку, защищая его интересы всегда и везде, помогая ему чем только было возможно в ту нелегкую пору. Особой заботой чекистов стали дети.

Жестокие годы гражданской войны, разрухи, голода, тифозных эпидемий выбросили на улицу толпы осиротевших ребятишек. Судьбой их и занялась ВЧК. Создавались специальные колонии и дома, школы и ночлежки. Бывало, что сам Дзержинский подбирал на улице в свою машину нескольких беспризорников, вез на Лубянскую площадь, в ВЧК, кормил и убеждал пойти в детский дом. На выставке есть скульптурная композиция Г. Шкловского «Дзержинский и беспризорник», рассказывающая о доброте и сердечности человека, перед которым трепетали враги Советов.

Первым художником, изображавшим беспризорников прямо с натуры — не по воображению или документам,— стал именно бывший чекист Федор Богородский.

Шли годы. Мужала, крепла, ширилась созданная и выкованная партией армия чекистов. Была их доля и в том, что, успешно завершив коллективизацию, индустриализацию, советский народ построил социализм, что на колхозных полях, заводах, стройках торжествовал мирный труд. К тому времени ВЧК, выросшая в могучую опору Советского государства, была переименована в НКВД, сохранивший все лучшие традиции чекистов-дзержинцев.

Грянула Отечественная... В тяжелые дни поздней осени сорок первого, когда огонь фашистских орудий обжигал московские окраины, милиция города поддерживала порядок в столице. Ее бойцы помогали эвакуировать население, тушили пожары, расчищали развалины после бомбардировок, выносили раненых. И еще впереди был день, когда газеты напечатают Указ Президиума Верховного Совета СССР «О награждении орденом Красного Знамени Московской городской милиции».

Как и тогда, в гражданскую, когда коммунисты ЧК добровольцами уходили на фронт, теперь, в грозную годину Отечественной, советская милиция лучших своих сынов посылала в бой с врагом.

Снайперы, гранатометчики, пулеметчики из рядов столичной милиции и истребительный мотострелковый полк, сформированный из ее работников и бойцов НКВД, дрались под Москвой, два истребительных батальона защищали Ленинград, 10-я дивизия НКВД первой приняла удар фашистов, прорвавшихся к Сталинграду, среди партизан тоже сражались вчерашние милиционеры.

Ленинградское шоссе... Стремительно катит по нему мотоцикл инспектора ГАИ. Мирная, привычная картина. Только поднятые на стоящий у шоссейной обочины постамент защитные заграждения напоминают: здесь был остановлен враг! Потому художник Д. Надежин, студиец недавно созданной при МВД СССР художественной студии, и назвал свое полотно «Дорогой мужества». Может, за рулем мотоцикла — участник битвы под Москвой, каких немало и сегодня в рядах московской милиции? Например, капитан Игорь Михайлович Преображенский, освобождавший на рассвете 11 декабря 1941 года город Солнечногорск, расположенный как раз на этой дороге. На хранящем память о подвигах защитников столицы шоссе, связавшем два города-героя — Ленинград и Москву... Чистыми, голубыми, безмятежно-ясными красками прописан светлый холст. Лишь четкие крестообразные силуэты «ежей» на фоне распластанных облаков в левой его части навевают невольную тревогу, заставляя вспомнить былое, опаленное огнем войны.

Да, бой и мир неразделимы в жизни работников милиции. В мирные дни они стоят на посту и нередко вступают в бой, чтобы жизнь наша была спокойной и счастливой. А в годину бедствий народных они первыми принимают на себя удар, чтобы грудью защитить мир, счастье, созидательный труд своего народа.

...Ни на миг не ослабляя внимания, следит за перекрестком у набережной Невы ленинградская девушка-милиционер. Светлый, легкий ее силуэт удивительно вписывается в такую знакомую панораму великого города. Какая-то живая взаимосвязь возникает в картине между образом девушки и пейзажем Ленинграда. Они дополняют друг друга. Девичья фигурка становится той живой частицей, без которой город словно бы нем и недвижен, а «береговой гранит», чеканный ритм силуэтов зданий и шпилей, отнюдь не довольствуясь ролью фона, в чем-то раскрывают характер героини картины: собранная, решительная, энергичная юная эта «Регулировщица» оттого и полна достоинства, что и ее рука управляет, пусть в одной лишь точке, пульсом овеянного славой города.

Когда в первые дни войны тысячи сотрудников ленинградской милиции — мужчин ушли на фронт, на их место по призыву партии встали женщины Ленинграда. Среди них была и Валя Легостина. А в самые тяжелые дни блокады, в сорок третьем, ее уже видели в рядах бойцов истребительного батальона НКВД, защищавшего осажденный город Ленина. Ныне Валентина Васильевна — инспектор дорожного надзора ГАИ; 27 лет — стаж ее службы в ленинградской краснознаменной милиции.

Есть портреты людей, с которыми встречаешься, словно с живой легендой...

Враг окружен под Корсунь-Шевченковским. 204-й гвардейский стрелковый полк 69-й гвардейской дивизии II Украинского фронта ведет бой в районе села Оситняжка, на Кировоградчине, где скопились немецкая пехота и танки. Командиру огневого взвода 120-миллиметровой минометной батареи полка Сергею Постевому приказано командованием проникнуть в тыл к фашистам. И он выполнил приказ! Результатом короткого встречного боя гитлеровцев с одним минометчиком оказалось то, что немецкая пехота изменила направление своего отхода, попала под огонь наших батарей, была рассеяна и частично уничтожена... 204-й гвардейский полк почти без потерь занял село.

За этот подвиг, за проявленную отвагу и мужество, как гласят обычно в таких случаях военные документы, Указом Президиума Верховного Совета СССР в 1944 году Сергею Игнатьевичу Постевому было присвоено звание Героя Советского Союза.

Героизм, отвага, подвиг... А за всем этим — рядовая биография работника МВД. Родился Сергей Постевой в деревне Глыбочке, Орловской области, в 1921 году, в 39-м вступил в пожарную охрану, в августе 1941-го окончил Ленинградскую школу военизированной пожарной охраны НКВД имени Куйбышева. Послали тушить пожары в Москве, которую бомбили фашистские стервятники. И каждый вспыхнувший от вражьей бомбы дом множил гнев и ненависть в сердце Сергея. Думал все чаще: «Разве здесь мое место?! Разве не должен я сделать все, чтобы заказан был путь в небо столицы гитлеровским убийцам?!» В апреле сорок второго, в тяжкий период войны, не выдержал — ушел добровольцем на фронт...

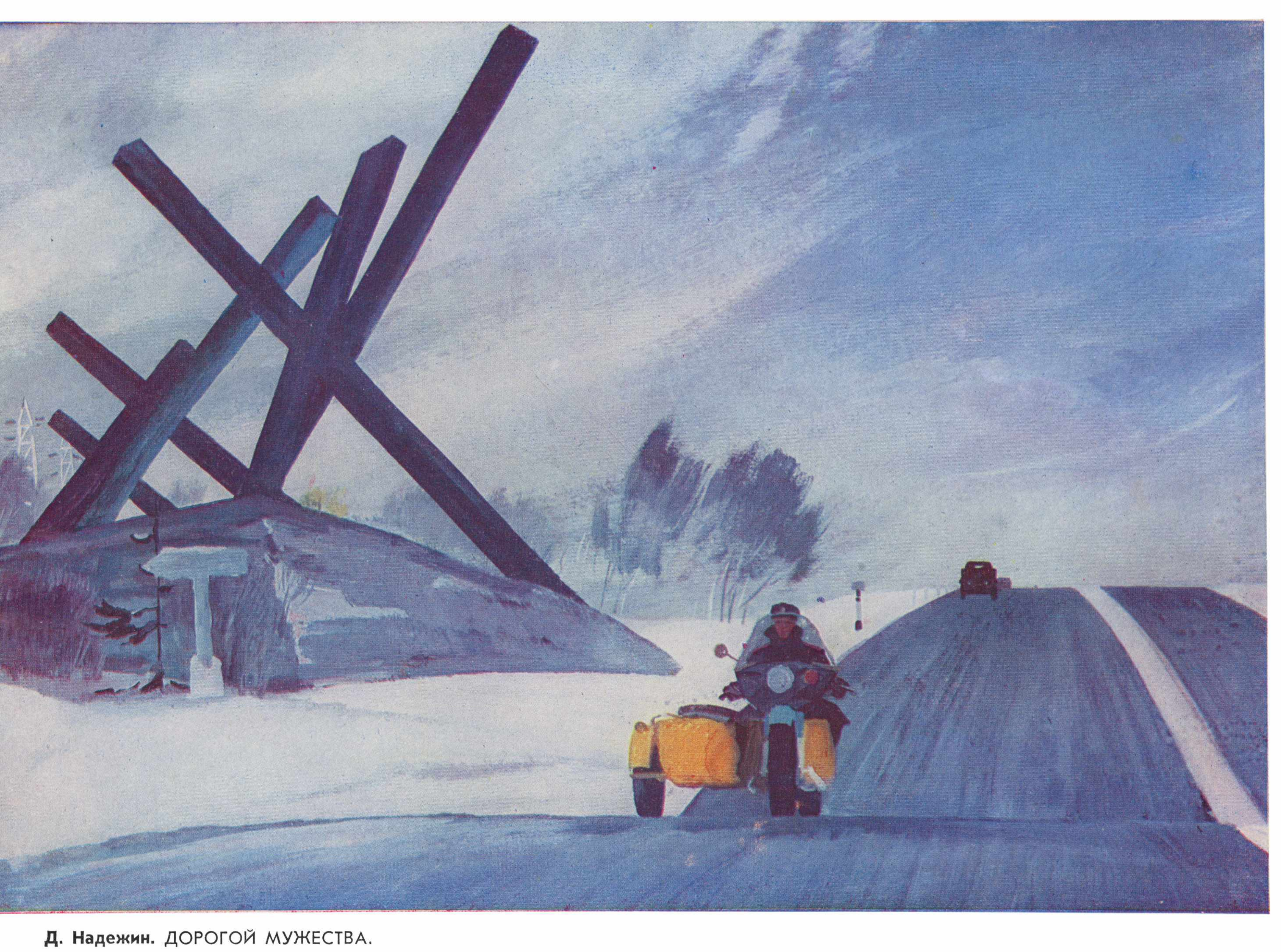
Может, от тех дней, горестных, тяжких, омраченных дымом и гарью пожаров стоявшей насмерть Москвы, навсегда осталась в глазах у Сергея Игнатьевича суровая горечь, которая видна и сегодня и которую запечатлел художник А. Даниличев, когда писал портрет героя.

Сейчас Герой Советского Союза, начальник подразделения пожарной охраны города Москвы, выпускник Московского юридического института подполковник Сергей Игнатьевич Постевой воспитывает молодых пожарных.

Я с радостью принял в этой выставке участие. И уверен, что в будущем такие выставки будут собирать произведения все большего и большего числа художников. Потому что тема «Чекисты» прекрасна, героична, вдохновенна и неисчерпаема!

Е. Кацман. ПОРТРЕТ Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКОГО. 1923.

Д. Надежин. ДОРОГОЙ МУЖЕСТВА.

ТЕТУШКА ГАНДИЛЬ

Ахмед МИРЗАДЖАФАРЛЫ

РАССКАЗ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА.

Я хотела бы похоронить эту тайну в сердце своем. Но разве это возможно? Нет, это горестная, но правдивая повесть моей жизни. Было время, когда почти все женщины и девушки моего народа переживали подобное. Так пусть же об этой тайне узнают те, кто живет сейчас,— добрые и счастливые. Пусть знают они, что нам приходилось переживать в годы нашей молодости, как мы седели раньше времени, как старились в неполных двадцать лет.

Так послушайте же мой рассказ.

...Дрогнул язычок пламени в лампе. За стеною дома послышались вкрадчивые шаги. Все, кто в этот вечер сидел в комнате — мой муж и его четверо братьев,— настороженно переглянулись, на их лицах отразились смутный страх, недоумение, ожидание чего-то непоправимого.

Дверь с треском распахнулась, и на пороге появился высокий, плечистый человек с ружьем в руках.

— Ни с места! — приказал он.— Пристрелю каждого, кто сделает хотя бы одно движение! Даю тебе срок до завтрашнего вечера,— сказал он, обращаясь к мужу.— Ты должен развестись с женой. На ней женюсь я! Если не разведешься — убью и тебя и всех твоих братьев.

И, не опуская ружья, он не спеша, словно играя своей судьбой, вышел.

Да, этот человек был уверен в себе! Мы узнали его — это был Муслюм, сын ашуга Али. Он часто приезжал верхом на белом коне в наше село Оджаг. Отчаянный парень был этот Муслюм! На скачках во время свадеб он неизменно побеждал своих соперников, многие женщины и девушки округи втайне вздыхали по нем. Может, поэтому его ненавидели мужчины?

Мой муж и его братья тоже ненавидели Муслюма и решили как-нибудь на людях втоптать в грязь его честь. Я не знала, что они собирались делать, и хотела отговорить их, но разве в мое время женщина могла перечить мужу? И вот несколько дней назад мой муж и его братья, всучив приставу крупную взятку, уговорили его конфисковать ружье Муслюма. Потом я видела, как они потешались, весело потирали руки и радовались, что уж теперь-то этот окаянный Муслюм не посмеет поднять глаза на людей. Ну, еще бы! Ведь в то время нельзя было нанести большего оскорбления мужчине, чем отнять у него жену, коня или ружье! Такой позор можно было смыть лишь кровью...

Братья переглянулись и вдруг, словно сговорившись, поднялись, потянулись к ружьям. Все, кроме моего мужа. Он сказал спокойно:

— Тут без крови не обойдется, я знаю. Но давайте действовать с умом. Добычу надо брать не спеша, в засаде. А пока пусть парень ходит по селам и рассказывает, как он появился в нашем доме, пусть похвастает, нам это на руку: люди будут знать, что нам есть за что мстить!

— Вы как хотите, а я не могу ждать! — сказал младший из братьев.— Этого собачьего сына я должен убить сейчас же!

— Я тоже! — вскочил с места средний брат.

— Не сметь! — прикрикнул муж.— Я сказал: всему свое время!

И братья покорились, потому что он был старшим.

А я в это время дрожала от страха. Я боялась за всех — за мужа, за деверей, за того светловолосого отчаянного парня. Ведь кровь же прольется, человеческая кровь!

— Послушайте! — в отчаянии закричала я.— Зачем же доводить дело до крови? Сходите к приставу, дайте ему немного денег, и пусть он вернет парню ружье.

Муж сердито покосился на меня.

— Ты помолчи,— приказал он,— не тебе, женщине, вмешиваться в дела мужчин. На пощечину отвечают пощечиной, кровь смывается кровью. Таков закон, не мы его выдумали, и не нам его менять! Ступай займись своими делами.

Я молча встала, ушла в соседнюю комнату и задумалась над своею судьбой. В этом доме я прожила неполных шесть месяцев. И оказалась я здесь не по своей воле. В отцовском доме мне жилось неплохо, и я не помышляла о замужестве. Отец любил меня и выполнял каждую мою прихоть, любой каприз.

В нашей деревне жил парень, который очень нравился мне, но, видно, не судьба была нам пожениться.

Однажды вечером, когда я возвращалась с Куры, неся на плече большой медный кувшин с водой, трое молодых людей окружили меня и, зажав рот, чтобы я не кричала, потащили за собой. Я плакала, умоляла их отпустить, пыталась вырваться...

...Впрочем, если бы мне и удалось убежать от них, ничего бы не изменилось: я уже считалась опозоренной, и ни один мужчина не захотел бы жениться на мне. Так я стала пленницей в доме Усубовых, в семье нелюбимого мужа. И... примирилась со своей судьбой.

...С этими горькими думами я стала засыпать и сквозь сон слышала, как муж и девери обсуждали подробности предстоящей мести.

Утром чуть свет я вскочила с постели и обежала всю нашу родню, прося их собраться и как-нибудь уговорить братьев оставить свою кровавую затею, кончить дело миром. Через час в нашем доме собрались все родственники мужа, кое-кто из соседей, послали за сельскими аксакалами. Как я и надеялась, не многие хотели кровопролития, ведь жертвой Муслюма мог стать любой из родственников Усубовых. Родня мужа, поддерживаемая аксакалами, настояла на том, чтобы мой брак с мужем был расторгнут... Под их давлением мужу пришлось скрепя сердце покориться. Брак наш расторгли, все мое приданое отвезли обратно в отцовский дом. Так меня опозорили во второй раз!..

Я вернулась домой. Отец мой за одну ночь поседел, а мать согнулась так, словно на нее вдруг взвалили непосильное бремя...

Поздно вечером, когда девери, оставив меня, уехали, в дверях неожиданно появился Муслюм. Повернувшись в мою сторону, он отрывисто бросил:

— Оденьте ее.

Я молчала, стиснув зубы, хотя мне хотелось кричать, биться головой об стенку. Ах, если бы я в ту минуту стояла на вершине высокой скалы, я, наверное, не задумываясь, бросилась бы вниз!..

Муслюм обернулся ко мне и опять бросил отрывисто:

— На дворе стоит оседланная лошадь. Будет лучше, если ты выйдешь по своей воле.

Я собрала узелок с вещами и вышла во двор. Отец с матерью плакали, но я старалась не смотреть на них, чтобы не расплакаться самой.

Ночь была темной, безлунной, мы молча выехали из деревни и углубились в лес. Меня сопровождали трое всадников: справа и слева друзья Муслюма, впереди он сам на знаменитом своем белом коне.

...В селение Адабаш мы прибыли далеко за полночь. Я продрогла, в лесу было сыро. Когда мы подъехали ко двору ашуга Али, мои спутники спешились, Муслюм подошел ко мне и помог высвободить ногу, запутавшуюся в стремени.

— Слезай, приехали! — приказал он.

Я молча слезла с лошади. Хозяйка дома — наверное, мать Муслюма — вышла нам навст-

речу, приветливо улыбнулась и сказала обычное «Добро пожаловать!».

Меня проводили в заранее приготовленную комнату, где уже была раскрыта постель. Дверь за мною заперли, и я осталась одна.

Неторопливо занимался рассвет, я оглядела комнату — она была обставлена если не богато, то и не бедно. Я встала, подошла к окну, отдернула занавеску и выглянула во двор. По улице, вздымая клубы пыли, шла подгоняемая пастухом отара овец. Из-за гумна, посасывая длинный черенок кизиловой трубки, вышел седобородый старик. Я тотчас узнала его. Это был ашуг Али.

В нашей деревне — да и не только в нашей — его очень любили и почитали. Когда на сельских празднествах он брал в руки саз, отделанный перламутром, всех охватывал трепет, мы слушали его словно зачарованные, и даже у мужчин на глазах навертывались слезы. Да, это был настоящий ашуг! «Таких не много на земле»,— говорили о нем старики.

Когда ашуг Али скрылся из виду, я вернулась в комнату и забилась в угол. На душе было тоскливо.

Вошла хозяйка дома, неся кипящий самовар. Потом принесли еду. Но кусок не лез в горло. Мне казалось, я совершу тяжкий грех по отношению к Усубовым, если съем хлеб их врагов.

В доме ашуга Али я видела всего четырех человек — самого старика, его жену, Муслюма и его младшего брата, Зияда, светловолосого паренька, который все время бегал по двору, чистил хлев, конюшню, выпалывал сорную траву в огороде, а встречая мать, деловито спрашивал:

— Ты отнесла ей поесть?

— Отнесла,— отвечала мать.

— Она поела?

— Нет, не поела и даже чаю не выпила.

— Ты отнеси ей что-нибудь повкуснее — мед, масло, молоко, простоквашу. Одно не захочет, может быть, другое съест. Не умирать же ей с голоду!

— Этого-то я и боюсь,— вздыхала старушка.— Сердце кровью обливается, когда смотрю на бедняжку!

«Наверно, твоя судьба была не лучше моей, добрая старушка, иначе ты не сочувствовала бы мне»,— думала я, отчетливо слыша их разговор.

Когда пришло время заключить брачный договор, я стала умолять Муслюма:

— Не делай несчастным и себя и меня! Ведь мы не любим друг друга, зачем нам этот брак? У меня есть муж, отправь меня к нему. Ты уже доказал всем, что ты бесстрашный человек и ничего не боишься. Ты молод, красив, любая девушка с радостью пойдет за тебя!

— Замолчи! — гневно прикрикнул он.— Ты теперь ничья жена. Твой брак с Усубовым расторгнут. А я опозорю себя, если не исполню своего слова. Или ты хочешь, чтобы все смеялись надо мной? Я привел тебя в свой дом, и по закону шариата ты должна стать моей женой!

Я поняла, что ни слезы, ни мольба не подействуют на этого человека.

— Уже поздно,— сухо бросил он напоследок.— И ты пожалеешь, если вздумаешь уйти из этого дома.

Брак был заключен. Отныне я стала собственностью Муслюма, сына ашуга Али из деревни Адабаш.

Меня здесь не били, не ругали, но я не могла привыкнуть к моему положению, к дому, к людям, живущим в нем. Я целыми днями не притрагивалась к еде и таяла, как свеча. Вскоре я до того похудела, что Муслюм встревожился: уж не собираюсь ли я уморить себя голодом?

Однажды утром он вошел ко мне, а следом его мать внесла на подносе завтрак. Не придавая значения присутствию Муслюма, я по обыкновению сказала, что мне не хочется есть.

— Почему? — спросил Муслюм.

— Не хочу.

— А может, ты все-таки поешь что-нибудь? — вкрадчивым голосом сказал он, но я поняла, что разговор этот не предвещает ничего хорошего. Однако во мне тоже заговорило какое-то злое, ожесточенное упорство.

— Нет! — почти крикнула я.

— Хорошо,— сказал он, вставая. Не спеша достал из-за голенища сапога ременную витую плеть, поиграл ею в воздухе и, неожиданно замахнувшись, с силой хлестнул меня по лицу, потом еще, еще... Каждый удар был подобен прикосновению раскаленного железного прута. Я не успевала увернуться. Не выдержав истязания, я упала на колени и исступленно закричала:

— Бей, бей еще! Забей меня до смерти, избавь мою душу от этих мук! Бей, бей!

И тут вдруг случилось неожиданное: Муслюм с отвращением отшвырнул плеть и, расплакавшись, обнял меня, прижал к себе и стал осыпать поцелуями мое лицо, руки, волосы, шею.

— Прости меня, Гандиль, я это делал для тебя же, только для тебя, я не злой человек, поверь мне! Мне было больно смотреть, как ты изводишь себя. Я не могу, я боюсь потерять тебя!

Я была потрясена! Нет, не его словами: я и раньше знала, что он боится за меня. Меня потрясли его слезы! Значит, этот человек не лишен простых человеческих чувств? Так зачем же он стыдится их, зачем скрывает от людей, какая дьявольская сила вынуждает этого человека делать то, что гадко ему самому?

Бедный Муслюм!.. Мне стало жаль этого человека, он был не меньше несчастен, чем я...

И кажется, с этого дня я стала постепенно привыкать к нему. Я начала понемногу есть, поправляться. И на душе стало легче.

Но, увы, вспышка нежности у Муслюма оказалась мимолетной. Как бы устыдившись своей «слабости», он стал вдвойне жестоким. Нет, он больше не бил меня, он, как бы подчеркивая свое недоверие ко мне, нанял человека, который следил за каждым моим шагом — даже тогда, когда с кувшином на плече я шла к роднику за водой.

Муслюм часто уезжал по делам в Шеки, Гянджу, на базар Джафарабада. В этих городах он торговал скотом, но я не пыталась вникнуть в его дела, и он не просил меня об этом, считая, что женщина должна заниматься женским делом, а торговля — дело мужчины. И все же, когда я сравнивала его с прежним моим мужем, он казался мне более человечным, более умным. Как-то я спросила его:

— Почему ты так поступил с братьями Усубовыми? Ведь проще было бы получить обратно свое ружье.

— Нет,— ответил он,— все не так просто. Усубовы плохие, завистливые люди, почти все крестьяне округи ненавидят их. Они кичатся своим богатством, а уездные власти потакают им. Я хотел доказать им, что у таких людей, как я и мой отец, тоже есть гордость и мы дорожим ею!

Мой свекор ашуг Али иногда по нескольку недель не бывал дома. Он объезжал окружные села и пел на торжествах и празднествах. Все вырученные деньги он потом отдавал жене.

Как-то вечером, когда мы обедали, во дворе послышался топот. Муслюм спокойно поднялся, снял со стены ружье, положил возле себя и продолжал как ни в чем не бывало есть. Внезапно прогремел выстрел, вслед за ним — другой. Две пули, пробив оконное стекло, со свистом впились в стену. Я, свекровь и свекор укрылись в соседней комнате. Зияд одним прыжком оказался в простенке между окнами, в его руках тоже было ружье. Один лишь Муслюм не оторвался от еды.

Мы кричали ему, чтобы он укрылся за стеной, но он лишь криво усмехнулся.

Снова прогремели выстрелы, разлетелись оконные стекла, со стен посыпалась штукатурка, один кусок упал в тарелку Муслюма и расколол ее. Муслюм рассмеялся, крикнул в окно:

— Эй, собачьи дети, да разве так стреляют?! Я сейчас покажу вам, как надо стрелять!

Он быстро вскинул ружье и выстрелил. Во дворе кто-то приглушенно охнул, раздался топот. Муслюм вскочил, схватил со стены патроны и, опоясываясь на ходу, выбежал из дома. Вскоре звуки выстрелов стали доноситься издалека, наверное, перестрелка шла за деревней. Стреляли со всех сторон: должно быть, в бой включились другие сельчане. Я не заметила, куда исчез Зияд, его не было дома. Позже я узнала, что в тот вечер братья Усубовы были не одни, они собрали много своих родственников. Этого следовало ожидать. Еще не было случая, чтобы кровная месть обошлась без крови...

Муслюм и Зияд вернулись под утро...

Моя свекровь была второй женой ашуга Али и часто рассказывала мне о своих горестях:

— Я любила одного юношу из нашей деревни. Но он был беден, а отцу моему хотелось выдать меня замуж с выгодой для себя. Однажды в деревню приехал на чью-то свадьбу ашуг Али. Уже тогда он был стариком, лет на тридцать старше меня! И к тому же недавно овдовел. Я и приглянулась ему...

— Но зачем же ты согласилась выйти за старика?

— Ах дочка, да кто же в таких делах спрашивает согласия девушки?

— Значит, Муслюм и Зияд не твои сыновья? — спросила я.

— Они от первой жены ашуга...— ответила она и, тяжко вздохнув, добавила: — Не люди мы дочка, а скот бессловесный. Что захотят, то и делают с нами. Захотят — убьют, захотят — продадут другому... Муслюм ведь привел тебя в этот дом на несколько дней, а потом хотел выгнать... Но пригляделся к тебе, понял, что такую женщину едва ли еще где найдет, и женился и тебя не спросил. А сказала бы ты поперек слово — убил бы тебя и глазом не моргнул! Такова наша доля...

...Наступила зима — холодная, снежная. Муслюм и Зияд заготовили дров на всю зиму. Реку, где мы брали воду, прихватывало льдом, и всякий раз приходилось прорубать его. Узнав об этом, Муслюм достал большой глиняный кувшин, врыл его в землю под стеной дома и наполнил доверху водой. Время от времени он заглядывал в кувшин и, если воды в нем оставалось мало, наполнял его. Мне стало легче: уже не надо было ходить на реку.

Все как будто складывалось хорошо. Не скажу, что я была счастлива, но постепенно стала привыкать к своей участи, даже изредка смеяться начала. И про Усубовых стала забывать.

Однажды у брода братья Усубовы застрелили ашуга Али. Пуля навылет пронзила грудь старика. Через два часа после того, как его привезли домой, он умер...

Его смерть потрясла всех. Крестьяне из соседних и дальних сел толпами шли в его дом, чтобы отдать последнюю дань любви и уважения певцу.

Все были уверены, что злодейское убийство отца толкнет Муслюма на какой-нибудь безумный поступок. Я тоже боялась, что может произойти непоправимое. С виду, правда, он был спокоен, но я знала, что внутри его все клокочет, что он сдерживается до поры до времени.

Между тем весть о гибели старого ашуга дошла до уезда. Оттуда приехал следователь с несколькими полицейскими и местным приставом. Они для чего-то осмотрели двор, загон для скота, конюшню, потом задали нам несколько ничего не значащих вопросов и уехали, пообещав непременно отыскать убийцу.

— Ах, мерзавцы! — проговорил Муслюм, с ненавистью глядя им вслед.— Как будто они не знают, кто убил отца! Усубовы уже купили их.

Через сорок дней после смерти ашуга Муслюм ушел из дому и вернулся спустя несколько дней. Он был хмур и ни о чем не рассказывал. Позже я узнала, что он был в доме Усубовых, но ни одного из братьев не застал. Они скрывались в Самухском лесу.

В конце зимы он опять исчез. Его не было больше двух недель. И вот однажды ночью во дворе раздался приглушенный топот копыт, а вскоре постучали в дверь. Я сразу же открыла.

Поужинав и выпив чаю, он прилег на тахту и сказал, что все эти дни охотился за Усубовыми.

— Объездил Самухский лес вдоль и поперек — нигде их нет, будто сквозь землю провалились! Даже следов не нашел!

— Каждому жить хочется. Не ждать же им, пока ты их убьешь. Любой на их месте скрывался бы.

— А я бы так не сделал! — сказал он.

Побыв дома три дня, он опять уехал. К тому времени я уже была беременной...

...Начиналась весна. На полях появились первые проталины, они ширились, сливались друг с другом, курились теплым паром, на деревьях лопались почки, проклюнулась первая ли-

ства — нежная, бледно-зеленая, склоны гор покрылись травой. Весна расцветала во всю свою буйную и величавую красу, и трудно было поверить, что в мире, в таком чудесном, прекрасном мире, могут существовать вражда, жестокость, злоба...

В конце марта разнеслась весть о том, что Муслюм убил двух братьев Усубовых. Вскоре приехал и сам Муслюм — веселый, довольный... Но мне было страшно смотреть на него, он напоминал хищного зверя, упившегося кровью своей жертвы. Но ведь даже зверь не губит живую душу из прихоти, а лишь тогда, когда голоден!..

Друзья Муслюма сообщили, что Усубовы наняли человек десять всадников, вооруженных ружьями и кинжалами. Мы узнали, что это были люди пристава.

На следующий день Муслюму сообщили, что отряд во главе с приставом выехал в Адабаши.

— Надо уходить,— сказал Муслюм. Открыл сундук, достал коробки с патронами и переложил в мешок. Движения его были быстрые, отрывистые, на губах играла злая, отчаянная усмешка, словно ему доставляло удовольствие бежать из родного дома.

— Одевайся, что ты стоишь? — сказал он.

— Куда же мы пойдем? — спросила я, не сразу сообразив, что тоже должна уходить.

— В лес, куда еще? Или ты хочешь, чтобы всех нас перестреляли, как щенят? — Но, как видно, в эту минуту он чувствовал себя не очень-то героем и, чтобы как-то оправдаться перед самим ли собой или передо мной, добавил, смущенно улыбнувшись: — Кер-оглы сказал, что бегство во имя спасения — тоже храбрость...

Эзгинлинский лес славился в наших краях тем, что был почти непроходим для тех, кто не бывал в нем. Но Муслюм уверенно шел по одному ему известной, но невидимой нам тропинке куда-то вглубь. Я и Зияд молча следовали за ним, ни о чем не расспрашивая.

— Ну, вот мы и дома! — сказал наконец Муслюм. Остановился, поставил на землю узел с вещами, ружье.

Я огляделась и не сразу заметила землянку, вырытую в темной гуще сосняка. Она была тщательно укрыта кустами терна и шиповника. Пол внутри был устлан мягкой свежескошенной травой. Да, пожалуй, здесь можно было чувствовать себя в безопасности. Дорога очень утомила меня, и я легла на траву.

...Ночью Муслюм спал тревожно, то и дело вскакивал, брал ружье и выходил из землянки.

На третий день нашего пребывания в Эзгинлинском лесу Муслюм не выдержал и попросил Зияда незаметно пробраться в село и разузнать, что там делается, да заодно взглянуть на дом — не разорила ли его усубовская шайка?

Зияд ушел. Муслюм вскинул ружье на плечо и пошел провожать его до Куры и, кстати, посмотреть, не происходит ли вокруг чего подозрительного.

Душу мою опаляла острая жалость к этому сильному, мужественному человеку, так рано ожесточившемуся на мир... Что его ждет впереди? Какая судьба ему уготована?..

В полдень вернулся Зияд и сообщил, что Усубовы вместе с отрядом наемников обыскали деревню и все окрестные леса и овраги и теперь направляются в Эзгинлинский лес.

Нападения следовало ожидать в любую минуту. Муслюм и Зияд стали приводить в порядок оружие, достали патроны, разделили поровну, рассовали по карманам. А я... забилась в угол, меня трясла мелкая, противная дрожь.

Уже вечерело, когда Муслюм вышел из землянки, чтобы осмотреться. В ту же минуту грянул выстрел, эхом отдавшийся в лесной чаще... Зияд велел мне отойти в дальний угол землянки, где было темнее, а сам прилег у входа и стал ждать.

Теперь выстрелы раздавались со всех концов, должно быть, нас окружали... Вдруг на поляне появились два жандарма и парень в фуражке. Я его сразу узнала. Это был племянник моего прежнего мужа. Как видно, он тоже вступил в отряд наемников. Зияд выстрелил в него, но промахнулся. Парень в фуражке повернулся на выстрел, но не успел поднять ружье — упал, ткнувшись лицом в траву: пуля, метко пущенная Муслюмом, сразила его.

И сразу наступила мертвая тишина... Смерть одного из сообщников мгновенно охладила воинственный пыл остальных. Они отступили в глубь леса и больше не показывались.

Теперь, когда наше местонахождение было открыто, оставаться здесь было бессмысленно. Дождавшись темноты, мы вышли из землянки и, прячась за деревья, направились к реке, сели в лодку и поплыли вниз по течению. Не прошло и двух часов, как мы оказались в незнакомой мне деревушке на правом берегу Куры. Муслюм повел нас к дому, стоявшему на окраине села, у подножия горы. Это был дом скототорговца Рамазана, старого друга ашуга Али. Двор Рамазана был обнесен высокой каменной стеной, а в каждом углу двора была привязана огромная кавказская овчарка. У Рамазана было пятеро сыновей — все как на подбор, рослые, плечистые. Мало кто отважился бы напасть на этот двор-крепость.

Пробыли мы там больше двух недель, когда пришло известие, что смерть еще одного сторонника Усубовых не на шутку напугала наемников и они решили, что лучше всего оставаться в стороне от распри.

Теперь мы могли вернуться в село: Усубовы едва ли осмелятся напасть в одиночку.

Однако все обернулось по-иному... До конца весны нас никто не тревожил. Но однажды на рассвете мы проснулись от какого-то грохота. Выглянули в окно и увидели, как два десятка вооруженных жандармов во главе с приставом, взломав ворота, окружили дом. Муслюм хотел было открыть огонь, но, поняв, что это бессмысленно, отшвырнул ружье и произнес только одно слово:

— Устал...

Он рывком распахнул дверь и, не попрощавшись ни с кем из нас, твердыми шагами направился к поджидавшему его приставу. Тот сделал знак жандармам, Муслюму скрутили руки и увели...

Утром Зияд взял все деньги, какие были в доме, и поехал в уездный центр. Но, как видно, он не сумел найти путь к сердцу уездного начальника, так как, возвратившись на следующий день, вернул мне все деньги. Освободить Муслюма оказалось невозможным. А через три месяца нас известили, что Муслюм умер в тюрьме. Его отравили.

Все имущество и скот достались Зияду. Однако не видно было, чтобы это радовало его: имущество надо было сохранить и приумножить, чтобы не уронить чести семьи, а для этого он был слишком молод и неискушен, тем более что Усубовы все еще не оставляли нас в покое. Похоже было, что они хотели вернуть меня в свой дом, чтобы восстановить свою попранную честь, а потом вышвырнуть на улицу! Кто же станет держать опозоренную женщину?!

Однажды утром Зияд вошел в мою комнату и, потупившись, неуверенно проговорил:

— Нам надо уходить, Гандиль, здесь невозможно жить.

— Куда? — удивленно спросила я.

— В селение Алы, к Наджафу-киши. Там можно жить спокойно. А здесь, ты же видишь, на улицу не выйти. Каждую минуту жди пулю в спину.

Он был прав.

Зияд медленно поднял глаза на меня и произнес с волнением:

— Мы с тобой должны... должны пожениться...

Меня будто обухом ударили по голове. Это была не злая мальчишечья шутка, а обдуманный, сознательный шаг.

— Зияд, ты сошел с ума! Ты хоть уважай память родного брата, ведь не прошло и пяти месяцев, как он умер!

— Вот потому и говорю, что нам надо пожениться...

Я бросилась ему в ноги, просила, заклинала его одуматься. Но он был неумолим:

— Это лучше, чем вернуться в дом Усубовых, — твердил он.

— Да я скорее умру, чем вернусь в их дом!

— Ты беременна, ты носишь в себе ребенка моего брата, поэтому не имеешь права убивать себя.

— Но как же ты хочешь жениться на беременной женщине? Неужели во всей округе для тебя не найдется молодой девушки?

— Я хочу сохранить честь нашей семьи... Ребенок моего брата должен жить в его доме. Я поступаю по закону шариата.

О создатель, на какое только бесстыдство не идут люди, оправдывая себя ссылками на честь семьи и закон шариата!

— Прошу тебя, Зияд, не позорь меня! И без того я опозорена на всю жизнь. Пожалуйста, отпусти меня, я уйду к отцу!

— Тебя, дважды опозоренную, отец не примет, ему его честь дорога, да и я тебя не отпущу! — жестко сказал он. — Ты будешь моей женой, я так решил!

Пришлось покориться. Снова и снова покориться!

...В селении Алы нас встретил племянник моего покойного свекра Наджаф-киши. Он оказался гостеприимным хозяином, дал нам лучшую комнату в его доме. Как видно, этот Наджаф-киши тоже был «человеком чести», потому что горячо одобрил намерение Зияда жениться на мне.

— Можете жить у меня столько, сколько вам захочется. Ни один сукин сын не посмеет сунуться к нам!

Должно быть, судьба Зияда после смерти старого ашуга и Муслюма всерьез интересовала Наджаф-киши. Может, поэтому он чуть ли не на другой день после нашего приезда отправился в Адабаши и перевез к себе все наше имущество... Вскоре он привел муллу и, несмотря на все мои протесты, мольбу и слезы, обвенчал нас.

К чести Зияда будет сказано, он был добр ко мне, терпелив, ласков. Мне было жаль его, но я ничего не могла поделать с собой, я была не в силах заставить себя лечь с ним в одну постель...

Так продолжался почти месяц, пока Наджаф-киши каким-то образом не разгадал наши истинные отношения с Зиядом. Вот когда этот «человек чести» показал себя по-настоящему! Он набросился на бедного Зияда:

— Ты разве не мужчина! Или папаху не носишь на голове! Где же твоя мужская гордость, а? Ты что, ждешь подачки от собственной жены?! Да какое она имеет право не подпускать к себе мужа, а?! Ну, нет, я не потерплю в своем доме такого позора, я сам поговорю с этой упрямицей, я покажу ей, что значит не подчиняться мужу!

Вечером, когда стемнело, он ворвался в мою комнату и плетью избил меня до потери сознания. Бил он нещадно, куда попало — по лицу, по спине, по ногам... И с каждым взмахом ругал Усубовых: ему, наверно, казалось, что я хочу вернуться к прежнему мужу...

И опять мне пришлось покориться...

Так за неполных два года я трижды была замужем, и все три мужа были нелюбимыми...

...В селении Алы я чувствовала себя в безопасности, здесь не надо было бояться нападения Усубовых. Я могла свободно ходить по улице, разговаривать с сельчанами, пойти с девушками к реке за водой.

Наджаф-киши соорудил во дворе большой навес, или, точнее, шатер, и укрыл его марлевым пологом. По ночам мы всей семьей спали там.

И вот однажды ночью, когда мы, уже забравшись под полог, укладывались спать, в деревне поднялась стрельба. Зияд и Наджаф-киши выскочили из шатра и тоже открыли огонь. Стрельба мгновенно захватила все село, казалось, что стреляют из каждого дома, из каждого окна. В этом селе был обычай: в случае нападения на кого-либо из сельчан всем идти на помощь.

— Эге-ей, люди, сюда-а-а! — зычным голосом кричал Наджаф-киши.

— Идем на помощь! — отвечали ему со всех концов деревни. — Держись, Наджаф-киши-и-и!

Вдруг Наджаф-киши охнул и, неловко взмахнув руками, упал на землю и пополз к дому. Он был ранен в ногу.

...Утром стало известно, что во время ночной перестрелки были убиты местные сельчане Алимшах, сын Джанавара Мухамеда, и сирота Бандали, конюх Кеса Махмуда.

Наджафа-киши уложили в моей комнате, и я ухаживала за ним днями и ночами. К счастью, кость не была повреждена, но рана стала гноиться, нога опухла, старик часто впадал в забытье и громко бредил. Он и в бреду призывал к мести, к убийству... Грозился кого-то убить, спалить чей-то дом. Он кричал, что дай ему только здоровье, уж он задаст жару оджаглинцам. «Я докажу этим лисицам, что значит ночью, тайком нападать на дом Наджафа Исмаил-оглы! Уничтожу их дома, по миру пущу! Я заставлю их матерей поплакать вдоволь!»

Состояние его то улучшалось, то вновь ухудшалось. Но, в общем, дело шло на поправку. Однажды вечером к нему вошел Зияд, и они проговорили до поздней ночи. Меня не было в комнате, но когда Зияд наконец вышел от дяди, в лице его было что-то зловещее...

А через два дня, проснувшись, я не застала его дома. Коня тоже не было в конюшне.

Зияд вернулся спустя почти неделю. Завел лошадь в конюшню, прошел в комнату, спросил отрывисто:

— Как дядя?

До чего же он в эту минуту был похож на своего покойного брата, когда тот неожиданно возвращался из очередного набега!

ТУЛЬ ОРУ

Майор Ю. МАКУНИН

Тула — город славных русских мастеров. В этом городе начал свою конструкторскую деятельность донской казак, уроженец станицы Егорлыкской Федор Васильевич Токарев.

Еще в 1908 году здесь, в Туле, создал он первый образец автоматической винтовки. Но она так и не стала на вооружение царской армии.

Лишь после Великой Октябрьской революции талантливый самородок Федор Васильевич Токарев смог по-настоящему заняться любимым делом — конструированием нового оружия. В 1930 году Федор Васильевич завершил большой, кропотливый труд, создал новый оригинальный пистолет. Почему оригинальный? Потому что изобретатель выбрал нетореную тропу. Работая над моделью, Токарев отвергает мощный 9-миллиметровый калибр. А соблазн велик. Ведь этот калибр у таких популярных в мире моделей, как кольт-браунинг, борхардт-люгер-2, и других. Отказался изобретатель и от маузеровского 7,65-миллиметрового калибра. Русская трехлинейная винтовка Мосина имела калибр 7,62. На нем и остановил свой выбор Федор Васильевич. И руководствовался он не только уважением к памяти Мосина. Токарев считал

СКИЙ ЖЕЙНИК

14 июня — 100 лет со дня рождения замечательного советского оружейника Федора Васильевича Токарева.

Фото Ал. Лесса.

так: меньше калибр — меньше вес пистолета. А если добиться высокой начальной скорости пули, то сила ее и без крупного калибра будет достаточно велика. И это было верное решение. На испытаниях в Москве конкурентами пистолета, изобретенного Федором Васильевичем, оказались пистолеты семнадцати прекрасно зарекомендовавших себя иностранных систем. «ТТ» — «Тульский Токарева» — вышел победителем по всем показателям.

Вскоре стрелял из него и сам нарком обороны Климент Ефремович Ворошилов. Похвалил. Но сделал замечание:

— Предохранитель у вас такой же, как у браунинга... Попробуйте придумать что-то более надежное.

Федор Васильевич успешно справился с этой задачей. И после испытаний в 1930 году пистолет стал на вооружение Красной Армии. На расстоянии 100 метров «ТТ» легко прошивал пять двадцатипятимиллиметровых досок, расставленных на небольшом расстоянии одна от другой. А вес пистолета едва превышал 800 граммов!

Но самому ответственному экзамену подвергся «ТТ» в Великую Отечественную войну. И выдержал его с честью.

Вот один из многих эпизодов верной службы пистолета. В июле сорок первого года группа разведчиков под командованием лейтенанта Александра Ивановича Зарубина пробралась ночью в расположение врага в окрестностях города Малина, взорвала стартовую площадку аэростата — с него гитлеровцы корректировали огонь. В схватке с фашистами, которые пытались преградить путь отходящим по разным направлениям разведчикам, лейтенант пустил в ход «Тульский Токарева» и прорвался к своим.

«ТТ» — лишь одна из многочисленных вех в конструкторском творчестве Ф. В. Токарева. В 1924 году на вооружение Красной Армии был принят ручной пулемет «М-Т» — «Максим — Токарев». Два года спустя конструктор создает авиационный пулемет. Позже — самозарядную винтовку СВТ. Республика Советов высоко оценила труд патриота: его награждают многими орденами, грудь его украшает Звезда Героя Социалистического Труда. В ноябре 1940 года Высшая аттестационная комиссия (ВАК) при СНК СССР утвердила Ф. В. Токарева в ученой степени доктора технических наук.

Для русских мастеров, вышедших из народа, характерна не только щедрость, с которой делятся они своим талантом с людьми. Они близко к сердцу принимают заботу о подрастающей смене. Федор Васильевич всегда имел много учеников. Многие из них стали крупными учеными. Внимательно присматривался он и к сыну своему Николаю. Получится из него оружейник или овладеет им другая страсть? Старый мастер строг в оценках. Не избежал этой строгости и сын. Отец не принуждал его помогать себе. А когда тот сам захотел пойти по стопам отца, поручил ему очень сложное задание. «Не можешь—не берись!—сказал он.— Наше дело слабаков не терпит!..» Слишком любил Федор Васильевич свое дело, чтоб допускать к нему человека, для которого конструирование оружия — забава. Не терпел такого отношения ни в ком. Но Николай Токарев пошел в отца — сметкой, художественным вкусом, инженерным расчетом и удивительной способностью сутками стоять у верстака, пока не добьется своего. Ему-то и передал старый конструктор свое изобретательское дело.

Девять разработанных Николаем систем были приняты на вооружение. Не всякому конструктору выпадает такое счастье!..

В сорок первом, когда грянула Великая Отечественная война, Федору Васильевичу было уже семьдесят лет. И заниматься конструкторской деятельностью с тем же напряжением, что прежде, он уже не мог. Но в конструкторское бюро, на завод, ходил, как и раньше, помогал во всем сыну. Огромный опыт отца, его точные, мудрые советы облегчили работу Токареву-младшему.

...Враг подошел к Туле. Все, кто мог биться, ушли защищать родной город. Но оружия не хватало... А тут на одном из складов лежали в консервации 700 авиационных пушек.

— Нельзя ли эти пушки приспособить к делу? — спросили Токарева-младшего.

— Сделаем,— сказал Николай Федорович.

И вот, работая днем и ночью, Н. Ф. Токарев разработал проект использования авиационных пушек в зенитных установках. Зенитная оборона города сразу усилилась. И не один вражеский самолет был сбит огнем этих установок!

Немного спустя Николай Федорович помог разместить вооружение на бронепоезде, построенном туляками. Действуя на одном из самых тяжелых участков обороны Тулы, под Ревякином, этот бронепоезд своим огнем уничтожил такое количество техники, сконцентрированной врагом для штурма города, что гитлеровское командование вынуждено было оставить Ревякино...

Говорят, что сын — воплощение мечты отца. Федор Васильевич по праву гордился своим сыном. Николай Федорович Токарев доблестно продолжил дело жизни Федора Васильевича — неутомимого творца нашего великолепного оружия. Оружия, с которым вставали в атаки советские воины на полях бесчисленных сражений и битв за свое социалистическое Отечество.

— Хорошо,— ответила я.— Он уже понемногу ходит.

Оказалось, все это время Зияд охотился за старшим из братьев Усубовых, моим бывшим мужем.

— Ты убил его?..— в ужасе спросила я.

— Да,— ответил он сухо.— Это надо было сделать давно, тогда бы не пролилось столько крови. Он всех натравливал, а сам оставался в стороне.

Наверное, он был прав, но чего стоила его правота!

Через два дня к нам нагрянул какой-то полицейский чиновник в сопровождении пристава и двух жандармов.

Опираясь на костыли, Наджаф-киши вышел навстречу представителям уездных властей, пригласил их в дом, затем позвал соседа Асада, попросил выбрать самого жирного барана и зарезать. Асад славился в селе умением жарить отменный шашлык...

Чиновники до позднего вечера пили и ели и в конце концов так опьянели, что с трудом ворочали языками. Теперь с ними легко было разговаривать. И когда те заикнулись об убийстве старшего Усубова, Наджаф-киши не дал им договорить. Ловко разыгрывая высшую степень обиды и возмущения, он тыкал пальцем в раненую ногу:

— А про это вы не знаете, да? А где вы были, когда они напали на мой дом — ночью, когда мы спали? Да к тому же зверски убили двух наших сельчан! Это справедливо, да? Я ведь тоже могу пожаловаться куда следует, не такие мы простаки, хотя и бедные крестьяне!

Чиновник добродушно засмеялся, потрепал его по плечу:

— Ну, не прибедняйся, Наджаф-киши, не такой уж ты бедный!..

Наджаф-киши понял намек, отвел его в соседнюю комнату и вручил заранее приготовленный мешочек с золотыми монетами.

Чиновник, пошатываясь, улыбаясь, вышел во двор.

— Айда, по ко-оням!..

С тем и уехал...

Зияд оказался прав: после смерти старшего Усубова все успокоилось, словно только и ждали, когда он умрет.

Той же осенью я родила сына, его назвали Муслюмом. Материнское счастье заслонило все мои печали и горести, в тяжелые минуты жизни я находила утешение в сыне.

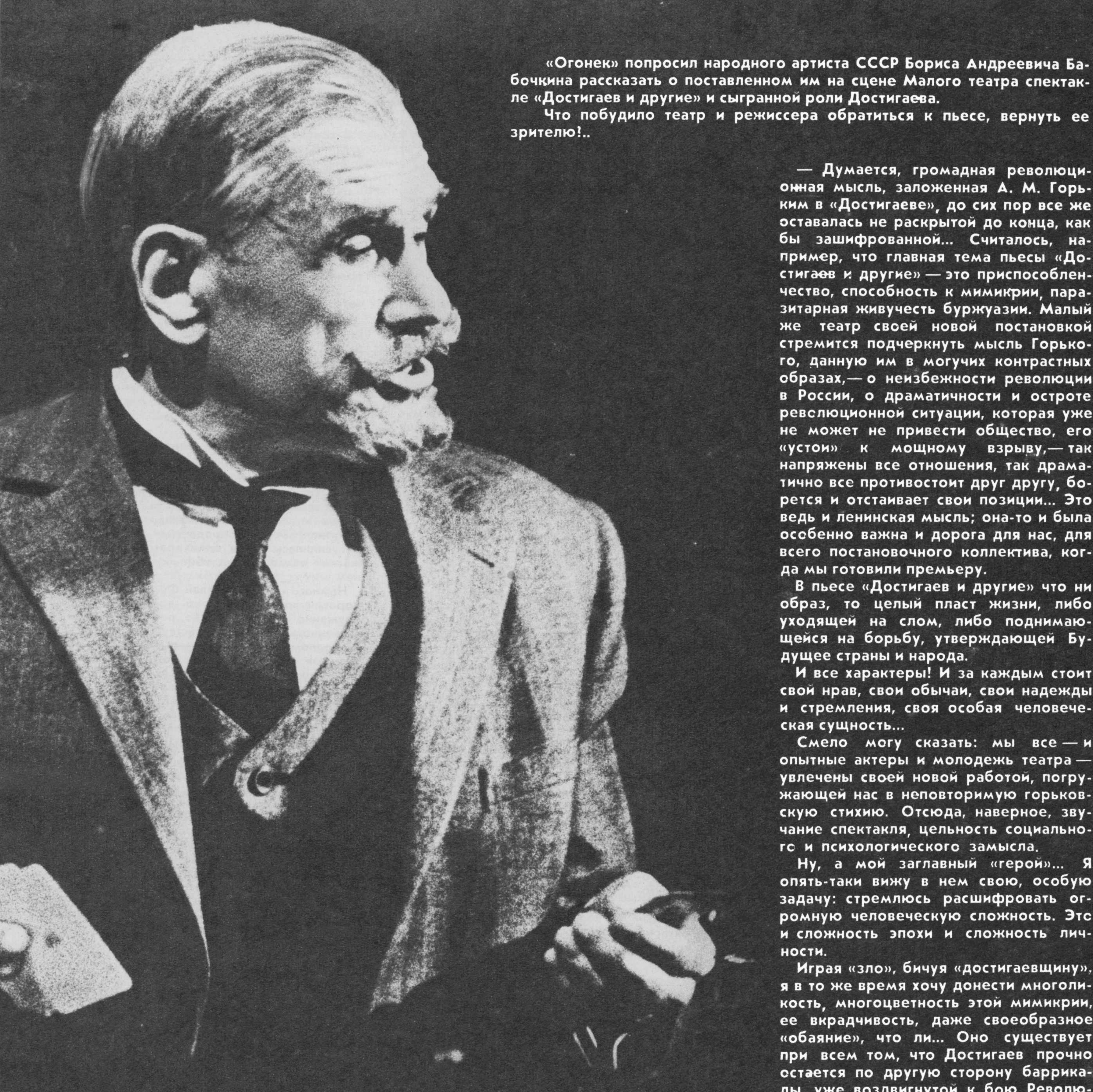
А через несколько лет произошла революция. Она отмела прочь кровавые обычаи и законы прошлого. И я впервые подумала о том, что слишком рано многие из нас родились на свет. И слишком поздно мы вкусили счастье настоящей, справедливой жизни, достойной человека... Одна только радость, что наши дети и дети наших детей не увидят тех ужасов, какие довелось увидеть нам.

Для них-то и рассказала я эту горестную повесть моей жизни...

Перевод с азербайджанского.

«Огонек» попросил народного артиста СССР Бориса Андреевича Бабочкина рассказать о поставленном им на сцене Малого театра спектакле «Достигаев и другие» и сыгранной роли Достигаева.

Что побудило театр и режиссера обратиться к пьесе, вернуть ее зрителю!..

Б. А. Бабочкин в роли Достигаева.

— Думается, громадная революционная мысль, заложенная А. М. Горьким в «Достигаеве», до сих пор все же оставалась не раскрытой до конца, как бы зашифрованной... Считалось, например, что главная тема пьесы «Достигаев и другие» — это приспособленчество, способность к мимикрии, паразитарная живучесть буржуазии. Малый же театр своей новой постановкой стремится подчеркнуть мысль Горького, данную им в могучих контрастных образах,— о неизбежности революции в России, о драматичности и остроте революционной ситуации, которая уже не может не привести общество, его «устои» к мощному взрыву,— так напряжены все отношения, так драматично все противостоит друг другу, борется и отстаивает свои позиции... Это ведь и ленинская мысль; она-то и была особенно важна и дорога для нас, для всего постановочного коллектива, когда мы готовили премьеру.

В пьесе «Достигаев и другие» что ни образ, то целый пласт жизни, либо уходящей на слом, либо поднимающейся на борьбу, утверждающей Будущее страны и народа.

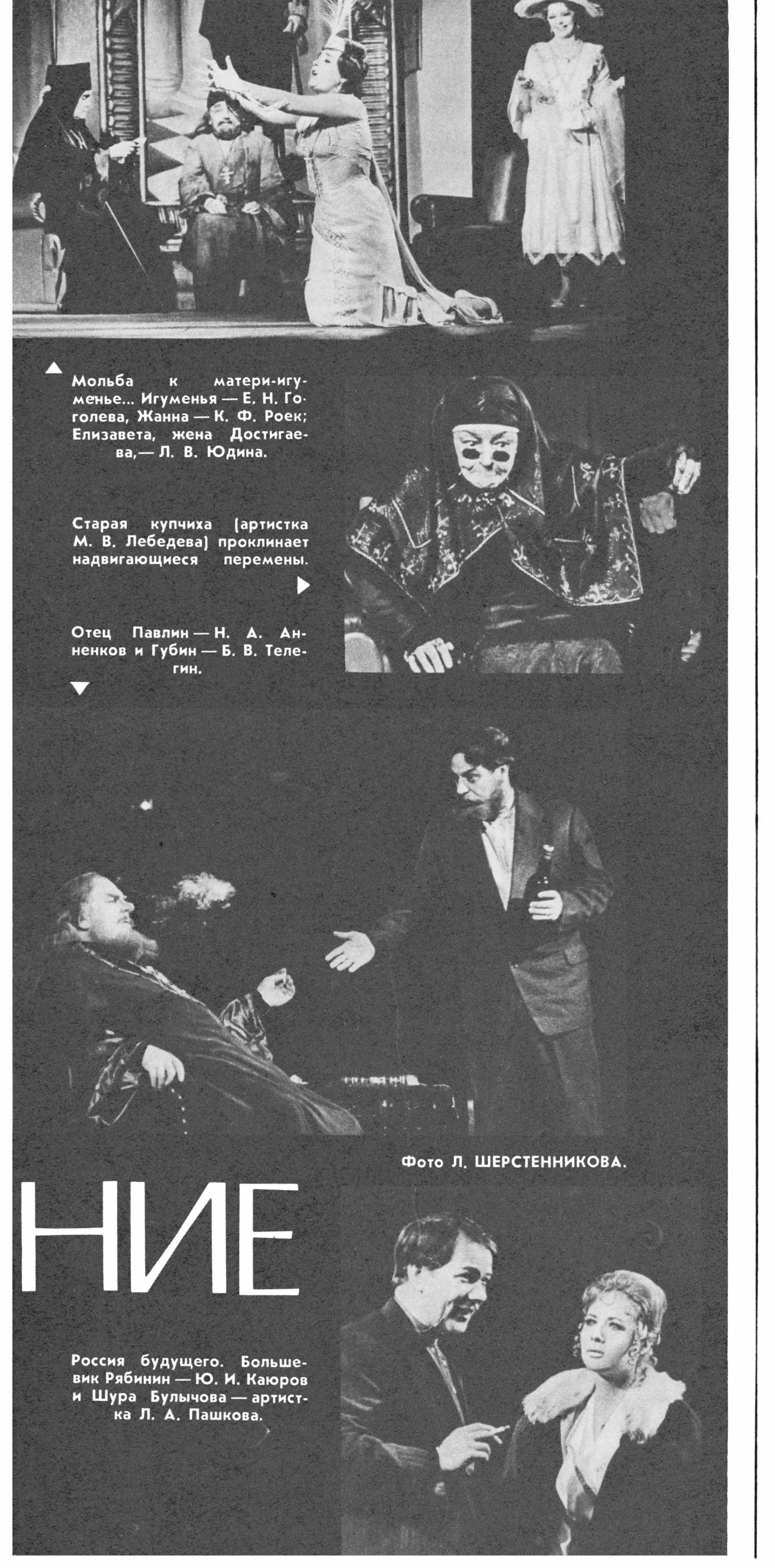
И все характеры! И за каждым стоит свой нрав, свои обычаи, свои надежды и стремления, своя особая человеческая сущность...

Смело могу сказать: мы все — и опытные актеры и молодежь театра — увлечены своей новой работой, погружающей нас в неповторимую горьковскую стихию. Отсюда, наверное, звучание спектакля, цельность социального и психологического замысла.

Ну, а мой заглавный «герой»... Я опять-таки вижу в нем свою, особую задачу: стремлюсь расшифровать огромную человеческую сложность. Это и сложность эпохи и сложность личности.

Играя «зло», бичуя «достигаевщину», я в то же время хочу донести многоликость, многоцветность этой мимикрии, ее вкрадчивость, даже своеобразное «обаяние», что ли... Оно существует при всем том, что Достигаев прочно остается по другую сторону баррикады, уже воздвигнутой к бою Революцией...

НОВОЕ ЗВУЧАНИЕ «ДОСТИГАЕВА»

▲ Мольба к матери-игуменье... Игуменья — Е. Н. Гоголева, Жанна — К. Ф. Роек; Елизавета, жена Достигаева,— Л. В. Юдина.

Старая купчиха (артистка М. В. Лебедева) проклинает надвигающиеся перемены. ▶

Отец Павлин — Н. А. Анненков и Губин — Б. В. Телегин. ▼

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА.

НИЕ

Россия будущего. Большевик Рябинин — Ю. И. Каюров и Шура Булычова — артистка Л. А. Пашкова.

САВИЧЕВЫХ ЛЮДНАЯ СЕМЬЯ

Кому не известны ныне скупые записи в блокноте ленинградской школьницы Тани Савичевой, которые фигурировали на Нюрнбергском процессе, как вещественное доказательство зверств немецкого фашизма против человечества?.. Но поэт Сергей Смирнов открыл перед нами много ярких страниц, которые расширили наше представление о событиях того времени, углубили его, заставили по-настоящему задуматься над тем, что же произошло в Ленинграде в ту трагическую зиму. Кто они, эти люди, не покорившиеся врагу?

Поэма «Сердце и дневник» — взволнованное поэтическое повествование о судьбе одной ленинградской семьи, не дрогнувшей в годину тяжелейших испытаний минувшей войны. «Савичевых людная семья» — одна из многих тысяч семей города на Неве, показавших миру величие духовных сил советского человека.

С первых же строк поэмы читатель знакомится с членами семьи Савичевых. У каждого из них свои заботы, свои обязанности, свои пристрастия и привычки. Для Савичевых, как и для всех советских людей, мирная жизнь кончилась тем памятным летним днем. А когда враг стал угрожать городу непосредственно,— все они встали на его защиту.

Готовность стоять до конца за правоту своего дела, вера в свой народ — вот черты характера одного из Савичевых, дяди Васи, неутомимого собирателя книг. Его гневный, полный собственного достоинства и гордости ответ некоему скептику убеждает своей откровенностью и суровой правдой:

— Ты
пouважительней
к России!
Это
Ста народностей —
Страна.
По единодушию,
по силе
В списке первых
Значится она.
Кто способен
взять
ее нагрузки?
Кто и где — отважней и щедрей?!.
И не зря
восходит
слово
«русский»
В час,
когда опасность —
у дверей.

С особым проникновением воссоздает поэт образ Тани Савичевой. Вот она спешит в школу, а вот греет руки у огня: «У огня — одиннадцатилетний человек с глазами мудреца»... Да, для нее действительно мир стал «стесненным в страшное кольцо». И совсем по-взрослому приходится смотреть на жизнь.

С. Смирнову удается очень тонко и точно передать душевное состояние юной героини. И с особенным трагизмом звучит надпись самой Тани на предвоенном снимке — «Мама, погляди!»,— в то время, когда матери уже нет в живых.

О «немыслимой судьбе» Тани Савичевой Сергей Смирнов рассказывает «всем живущим в назиданье, чтобы каждый в суть явлений вник». Остро и четко сформулирована в последней главе поэмы ее основная мысль, ее жизнеутверждающий пафос:

Эй, заря,
давай дорогу солнцу,
Пусть оно
Сметает тьму с земли!
Слово,
силой подлинности
полнься
И гласи о всем,
Что мы смогли!

Сергей ЛИСИЦКИЙ

Сергей Смирнов. Сердце и дневник. Поэма. Журнал «Москва» № 3. 1971 год.

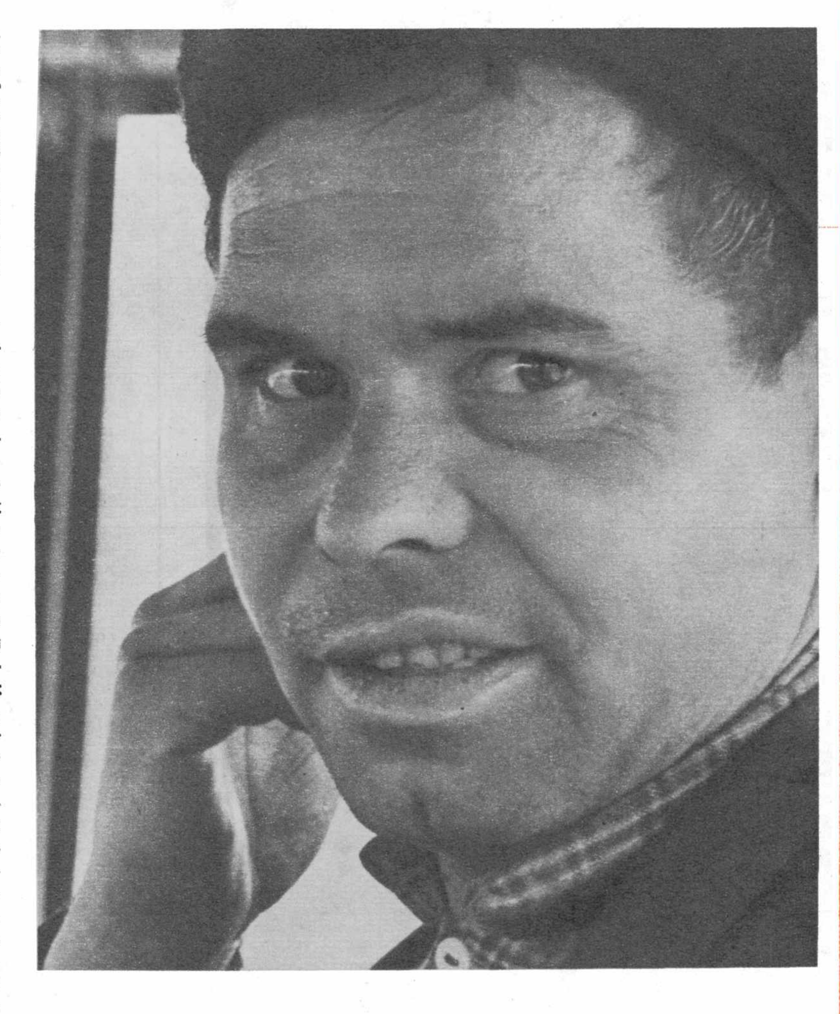
Я СТРОЮ КАМАЗ!

РСФСР: «Создать комплекс заводов по производству грузовых автомобилей в Татарской АССР...»

Из Директив XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану.

СТРАНИЦЫ ИЗ ДНЕВНИКА РАШИДА ЯКУПОВА, ПРОКОММЕНТИРОВАННЫЕ СПЕЦИАЛЬНЫМ КОРРЕСПОНДЕНТОМ «ОГОНЬКА» ГАЛИНОЙ КУЛИКОВСКОЙ.

Сегодня 18 июля 1969 года. В обед к нам на шлюз прибежал Габдульбар, мой старший брат. «Слыхал? — спросил он, усевшись в теньке. — В «Дружбе», это колхоз по дороге в Мензелинск, топографы бетонную плиту на поле поставили, а на плите написано: «Здесь будет построен камский автомобильный батыр» — и цифры по бокам: «1969—1974». Говорят, что завод переплюнет фордовский! Эйдэ на стройку!» Я подумал: однако могут меня не послать, у меня еще нет экскаватора. Ну и дела!

Прежде всего о Рашиде Якупове, этом высоком, плечистом человеке, со знойными глазами, как маслины, на смуглом до черноты лице,— даже родной брат рядом с ним кажется бледнокожим. Якуповы из деревни Семикеево, что неподалеку, километрах в тридцати, от Набережных Челнов. Отец Рашида, Якуп Бакиров, был хлеборобом до самого сорок первого, пока не ушел воевать. Дед, Абубакер Галин, тоже был хлеборобом, и таким, что имя его вошло в поговорку, если хотят кого-то похвалить, непременно скажут: «Он работает так же хорошо, как Галин». Брат отца, Юсуф Бакиров, воспитавший осиротевших его сыновей — Якуп погиб от ран в сорок третьем,— великий на селе специалист, отменный кузнец. Тридцать три года простоял он с молотом у наковальни. Теперь персональный пенсионер. Словом, Якуповы крестьяне из поколения в поколение. Рашид также стал работать комбайнером в колхозе после армии. И никто в селе Семикееве не имел права его в чем-либо упрекнуть; на каждый праздник Рашиду — премия, собираются в райцентре передовики — и он среди них. Обжился, привел в свой дом тоненькую миловидную Фанию. Дети пошли...

И все же Рашид ушел из колхоза. Перетянул его не столько город, сколько техника, современная, крупногабаритная, высокопроизводительная. Она была рядом — в Набережных Челнах начинала строиться Нижнекамская ГЭС. Однажды приехал Рашид в Челны за покупками и увидел на берегу Камы сердито урчащий, ловко отплевывающийся ковшами рыжей глины экскаватор. Все в этой машине было в движении, в действии, в броске, в постоянном единоборстве с землей и преодолении ее сопротивления. Все увлекало!

Сначала председатель колхоза и слышать не хотел о том, чтобы отпустить Якупова. Но Рашид приходил снова и снова. И потом в райисполкоме говорили о том, что надо помочь стройке людьми... И пришлось отпустить.

А на «Камгэсэнергострое» Рашида и близко не подпустили к экскаватору. Поставили в слесари. И Рашиду снова пришлось проявить свою настойчивость, пока его наконец не перевели в помощники машиниста. К шестьдесят девятому году он работал самостоятельно, но подменным: заменял того, кто в отпуске, кто болен, кто выходной. Своего экскаватора у него еще не было, а он мечтал о могучем красавце «Уральце».

12 ноября. Шел со смены, остановился, прислушался. Где гудит, что гудит? Потом увидел: на Альметьевском шоссе дорожники заработали. Прямо в поле пошли бульдозеры и грейдеры. Первая, значит, дорога из города туда, где автозавод будет. Началось!

Если говорить точно, то началось все не тогда, осенью 69-го, а значительно раньше. Когда на самых разных уровнях — в проектных институтах, комиссиях, министерствах — решалось, где заводу быть. Что заводу быть, в том не было сомнения. Стране нужен мощный дизельный грузовой автомобиль, способный тянуть прицепы и целые автопоезда. Над его конструкцией уже несколько лет бились за кульманами инженеры ЗИЛа, МАЗа, ГАЗа, Ярославского завода моторов. Каким заводу быть, тоже было ясно: не один завод, а комплекс из шести оборудованных по последнему слову техники, специализированных заводов, расположенных гнездом, друг возле друга.

Где же такому комплексу быть? Десятки городов оспаривали это право. Особенно много сторонников было у так называемого сибирского варианта и у камского в Татарской республике. Конец бурным дебатам положил математик с холодной головой — электронно-вычислительная машина. Она беспристрастно взвесила все «за» и «против» и дала ответ: «Быть заводу на Каме, в городе Набережные Челны». Обоснование? Вот оно: стоят Челны в центре страны, на большой судоходной реке. Природные условия самые подходящие: ровная степь, умеренный климат. Есть крупная строительная организация, способная стать генподрядчиком,— «Камгэсэнергострой». Есть резерв энергетических мощностей и ра-

Здесь будет город заложен...

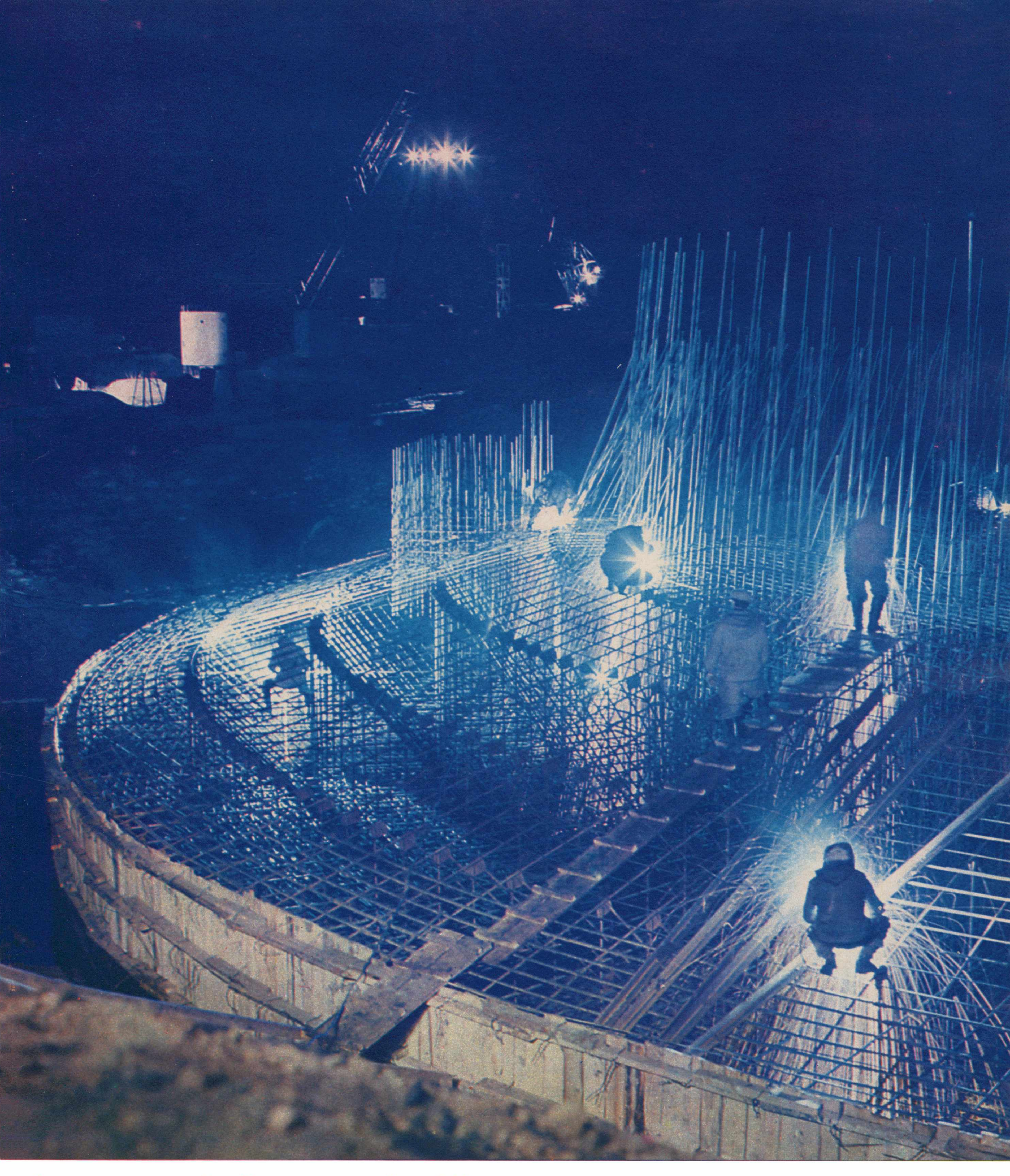
У Валерия Шарапова, командира Всесоюзного студенческого отряда на стройке, горячие дни.

Фото Г. КОПОСОВА.

Сооружается мощная ТЭЦ автомобильного комплекса.

Здесь работ

ают бригадир монтажников Иван Швецов и верхолаз Алексей Абрамов.

бочей силы. Наконец, неподалеку другие автозаводы — Горьковский, Ульяновский, Волжский, — с которыми можно кооперироваться. Так была решена участь Набережных Челнов, три долгих столетия пребывавших в дремотной тиши.

13 декабря. Снова большой день! Миша Носков, наш лучший экскаваторщик, вынул на площадке автозавода первый ковш! Ура! Яхшы! Запишу все по порядку. Во-первых, Михаилу недавно вручили, как старшему машинисту лучшего экипажа, новенький экскаватор с надписью «Комсомольский». Пионеры Костромы для него лом собирали, а комсомольцы строили. Ребята хотели, чтобы он самым первым развернулся на КАМАЗе. Носков наш обрадовался, словами не передать! Я считаю, что по праву ему доверили. Он еще Куйбышевскую ГЭС строил. Брат говорит, что у него талант особый к машине. Ну так вот, погрузили «Комсомольский» 11-го ночью на трейлер, подогнали «КРАЗы» и поехали. Впереди бульдозеры дорогу прокладывали. Остановились, где промбаза будет. Расчистили сначала снег. А ровно в двенадцать часов по сигналу «Комсомольский» заработал. К экскаватору подъехал на самосвале Фанус Фатыхов из моей деревни. Миша нагрузил его, и Фанус поехал. Все захлопали!

Во-вторых, получил наконец и я экскаватор. Ай-ай как хорошо, яхшы! «Уралец» у меня под номером «450». Тот самый, о котором я мечтал, сколько раз он мне во сне снился! Не зря снился. Может, дождусь, и меня на автозавод пошлют.

С этого дня в дневнике Рашида Якупова все чаще мелькают телеграфнокороткие, как донесения с фронта, записи, свидетельствующие о расширении масштаба работ.

«Дорожники автострады № 1 вышли на речку Мелекеску. Тут надо мост ставить. Работают в две смены». «На площадке заводской ТЭЦ зашевелились плотники. Мишка Дьячков, наш бульдозерист, начал осваивать площадку стройбазы «Автозаводстроя». Такая новая организация у нас появилась». «Наши передовики полетели в Казань на партактив республики. Докладывать будут о том, как строится КАМАЗ». «Собрание в нашем управлении. Ну и дал жару начальникам Коровин, экскаваторщик наш. Правильно! Что они кидают его машину с одного объекта на другой?» «На стройплощадку РИЗа — ремонтно-инструментального завода — пришел первый «Уралец».

22 апреля 1970 года. Мокрый снег. Ветер. А все равно на душе праздник! Утром был митинг, а вечером собрались все в клубе, вручали ленинские Юбилейные медали. Многие наши ребята получили: Фролов, Носков, Коровин, Аксенов, Бровкин и я тоже. Яхшы!

Летом совсем не вел записи Рашид. Лето — горячая пора у строителя. Некогда. Да еще свой сад решил завести, чтоб дочкам ягоды были. Совсем стал городским жителем Рашид. И вот наконец в дневнике долгожданное:

20 октября. Эйдэ киттек! Эйдэ киттек! (Пошли! Пошли! — Г. К.) Да, мы едем на КАМАЗ. Две недели весь наш экипаж — Анатолий Стрелков, мой напарник, с Саратовской ГЭС, я и наши помощники Николай Серов и Петр Тихонов — разбирал экскаватор. Поставили его на буксир. И, как говорят, хэерле юл (доброго пути. — Г. К.). Маршрут: площадка литейного завода автомобильного комплекса. Оттуда до моей деревни Семикеево совсем рукой подать — километров 15, не больше.

11 ноября. Ай-ай! И волновались мы с Николаем! Крепко подморозило. За ночь навалило снегу. Как работать начнем? Тихо, помалу отвел рычаг. Чувствую, подался ковш вперед, пробил корочку. Яхшы! Теперь пойдет. Зачерпнул сполна. Ай-ай, нет никого поблизости из Семикеева. Кто скажет, так ли хорошо работает Рашид, как Абу Галин? Посмотрел на Николая — он внизу стоял, подмигнул мне — вроде как все в порядке. Яхшы. Пошло! Потом второй ковш. Десятый. Сотый... В полдень прикатил на вахтовом автобусе секретарь парторганизации нашего управления Сабитов. Между прочим, Ахат Сабитов работал в Ульяновске. А как услышал про КАМАЗ, вернулся на родину. Очень многие татары сюда съезжаются со всех сторон. Сабитов поздравил наш экипаж. Мы первые на литейном.

13 декабря. В городской газете сводка: за год вынуто 15 миллионов кубов земли. Это с того самого дня, как Михаил Носков черпанул свой первый ковш. От него счет пошел. Теперь Носков работает на ТЭЦ автокомплекса. Тянет теплотрассу, по которой пойдет горячая вода и пар в новый город. Мы называем ее трассой жизни. Без нее не смогут жить люди в высотных домах. Прочитал я свою запись и рассмеялся. Еще никаких высотных домов нет, и нового города нет. Но он будет! Десятью башнями начнется. Подумать только, через год в это время тут уже будут жить люди! Это так же верно, как то, что в старом городе, в Набережных Челнах, такая уже одна башня стоит. Двенадцатиэтажная. Первая в нашем краю. Отделка квартир идет к концу. Вчера шел по улице Мусы Джалиля, задрал голову, хотел увидеть, где там моя квартира. В нашем управлении я первый на очереди.

Кстати, о квартирах, магазинах, школах и всем прочем, городском. В Набережных Челнах все предпринималось для того, чтобы не допустить отставания в строительстве жилья. Прежде всего дома, дома и дома, способные принять прибывающих на стройку! Сначала вырастали кирпичные и панельные «коробки» в поселке гидростроителей. Потом они двинулись в старый город, сметая на своем пути почерневшие, покосившиеся строения. Сначала строили только гидростроители, потом подключились к ним москвичи, ленинградцы, казанцы, тольяттинцы. По Каме, едва она успевает сбросить с себя платиновый панцирь льда, плывут на баржах здания в разобранном виде. Панели, краны, металлоконструкции. 220 тысяч квадратных метров жилья обязались дать строители в 1971 году.

Плывут по Каме, бегут по железным дорогам и ярко-зеленые и голубые домики с белоснежными на окнах, как на очках, оправами. Тысячи домиков. Одно- и двухэтажных, в которых со сказочной быстротой располагаются монтажники всех родов строительной епархии. Еще вчера, кажется, степь была в этом месте пуста, а сегодня расцвел в ней пышным лугом поселок из таких передвижных удобных жилищ. А скоро разукрасится степь и белыми зонтиками палаток: осядут на лето студенческие строительные отряды.

И все же жилья не хватает! Любые квадратные метры в Набережных Челнах дороже бриллиантов. Под прозрачными козырьками на автобусных остановках пригоршнями объявления: «Меняю трехкомнатную квартиру с газом, горячей водой, телефоном в центре города Касли, Челябинской области». «Меняю трехкомнатную квартиру со всеми удобствами плюс телефон, гараж. Расходы по переезду беру на себя. Пермь». «Меняю передвижной домик, две комнаты, кухня, веранда, есть газ, садик — три сотки на берегу водохранилища. Поселок Пионерский, Винницкой области». А в Челнах садика нет! В Челнах пока голые улицы, ветер и серая пыль. И все же едут люди сюда, одиночки и семьи в полном составе. Сотнями. Тысячами. Откуда только не едут: Семипалатинск и Мончегорск, Свердловск и Караганда, Братск и Алма-Ата, Орша и Сургут... Будто вся страна двинулась на штурм нового бастиона экономики. Так уже когда-то было. Было в тридцатые годы на Магнитке и Днепрострое, в Комсомольске-на-Амуре и на Горьковском автомобильном.

И меняет свой облик, преображается на глазах древняя татарская земля. Это только непотревоженная кажется она слежавшейся черноземной твердью. Но стоило прикоснуться к ней, сдвинуть ее пласты, копнуть, как она взбухла, поднялась словно на дрожжах горами рыжих отвалов и курганами антрацитовой черноты. Эти курганы—верхний, гумусный слой почвы. Не дай бог перемешать гумус с глиной! Я нигде не видела, чтобы так нянчились с этой драгоценной землей, облагороженной трудом человеческих рук. Строители бережно снимают ее, складывают до поры до времени в определенные места, чтобы потом перевезти в сады и парки нового города.

Везде, куда бы мы ни поехали, перед нами вставала вздыбленная степь. У строителей все это называется буднично: вертикальная планировка. А если учесть, что она простирается на площади 100 квадратных километров и объем вынутого грунта составит десятки миллионов кубических метров, то не потребуется особых эпитетов для описания. Самые крупные стройки наших дней бледнеют по сравнению с размахом КАМАЗа. Можно лишь добавить, что действует на этой строительной арене армада машин: тысячи экскаваторов, бульдозеров, скреперов, самосвалов. А неуемные строители, как всегда, жалуются, что техники не хватает.

Вот еще одна страничка из дневника Рашида Якупова.

21 марта 1971 года. Сегодня у нас было партийное собрание. Обсуждали проект Директив съезда партии по новому пятилетнему плану. Разговор пошел и о наших делах. Стало на стройке веселей. Выходим из «нуля». Мы с Николаем Серовым перешли в новый забой. Там, где начинал наш экипаж, позавчера бетонщики заложили цех серого и ковкого чугуна. Яхшы! Под крышу вышли монтажники БСИ — базы строительной индустрии. Новый начальник «Камгэсэнергостроя» Батенчук здорово жмет на тылы — строительную базу. Строил Иркутскую ГЭС, Вилюйскую ГЭС, алмазные города. На собрании я взял слово. Давно собирался про самосвалы сказать. Маловато машин. Разве это работа: стоишь ждешь, пока подойдет «КРАЗ» или «БЕЛАЗ». Это шоферы должны нас, экскаваторщиков, подгонять, чтобы мы скорее своими рычагами двигали. Пусть начальство меры принимает. В конце собрания был прием в партию. Я Анатолия Стрелкова, моего сменщика, рекомендовал в кандидаты. Хороший мужик. Воевал. Строил. К товарищу отзывчивый. Много читает. Такой человек будет хорошим коммунистом.

На лестницах обжитых домов во вполне сложившихся городах пахнет пылью, специями, изредка духами. На лестницах домов в городах строителей пахнет землей. Черной сырой землей. Она комочками прилипла к сапогам и сапожкам, что выстроились на лестничных площадках. Перед дверью Якуповых сразу три пары, две взрослых и детская, значит, трое у него уже гостей. Хозяйская обувь не в счет, она уже вымыта и в тамбуре за дверью.

Рашид знакомит меня со своим братом Габдульбаром, он тоже гидростроевец, и его женой Рамзией. Рамзия и Фания, жена Рашида, не только свояченицы, они и работают в одной бригаде, прокладывают на автозаводе дороги. Третий гость — круглолицый черноглазый малыш — подкинут хозяевам до вечера...

Живут Якуповы, оказывается, в старом двухэтажном доме без всяких удобств — газа нет, горячей воды нет, отопление печное, уголь приходится доставать. А я-то предполагала Рашида застать в ослепительно-белой «московской» двенадцатиэтажной башне, что на улице Джалиля. Ведь именно там предназначалась для него квартира, он стоял на очереди первым. Башню сдали к новому году. Что же случилось?

— Яхшы! Все в порядке! — беспечно машет рукой Рашид.— Крыша над головой есть? Есть. Переживем. Живут люди совсем плохо, много хуже нас.— И, чтоб прекратить этот разговор, решительно подвел к столу: — Эйдэ, эйдэ!

В тарелках уже дымится традиционный суп-аш, дразняще, остро пахнут маринованные огурцы, домашняя колбаса...

А с квартирой в башне произошло вот что. Об этом рассказывал мне на другой день секретарь парторганизации управления Ахат Сабитов. Действительно, Якуповы были первыми на очереди. Но Рашид узнал, что очень плохо живется экскаваторщику Аркадию Петровичу Кутуеву. Приехал он издалека, с семьей, разместили их в бараке. Вот и предложил Рашид: «Мы еще подождем, отдайте нашу квартиру Кутуеву». Так сам и сказал.

За домашней трапезой у Якуповых я узнала и еще один эпизод из жизни Рашида. Темный, красновато-коричневый цвет лица у него, оказывается, неспроста. Следы сильного ожога. Когда еще жил в деревне, случилось. Бросился в кухню, охваченную огнем, спасать старенькую мать Фании. Ее спас, а сам провалялся в бинтах несколько месяцев.

Не успели мы отведать и наполовину вкусного, на гусятине и баранине, аша, как пришли еще гости. Впрочем, какие это гости? Свои все, родня! Степенная тетушка Зумаиха и ее муж Ахат Султыев, мама малыша — Фарида, красивая Мунира, сестра Рашида. Я все интересовалась, кто где живет, чем занимается. И оказалось, что все как-то связаны с новой стройкой. Султыев — бетонщик-опалубщик, Мунира — лаборантка на заводе ячеистого бетона, Фарида — штукатур-маляр, участвовала, между прочим, в художественной отделке фойе и зрительного зала кинотеатра «Чулпан», которым гордится каждый челнинец. Фарида вспомнила про свою сестру, бетонщицу на строительстве РИЗа — ремонтно-инструментального завода, ее мужа, шофера «вахтовки» — дежурного автобуса, еще пятерых братьев и их жен. И все они работают на новой стройке. Так от Якуповых зримо потянулась ниточка к десяткам татарских семей, судьбы которых оказались тесно связанными с рождением КАМАЗа.

А если взглянуть еще шире, то уместно вспомнить высказывание одного промышленника ФРГ. Услышав от Александра Михайловича Тарасова, министра автомобильной промышленности СССР, о комплексе на Каме, президент фирмы «Даймлер-Бенц», господин Цаан воскликнул: «Для нас такие масштабы являются новой землей, нами еще не открытой». Что ж, эту землю открывает Рашид Якупов — сын татарского народа и тысячи его соплеменников вместе с сибиряками, волжанами, уральцами, москвичами... Эту землю открывает вся наша страна!

Набережные Челны, весна 1971-го.

А. БОЧИНИН,
Ю. КРИВОНОСОВ

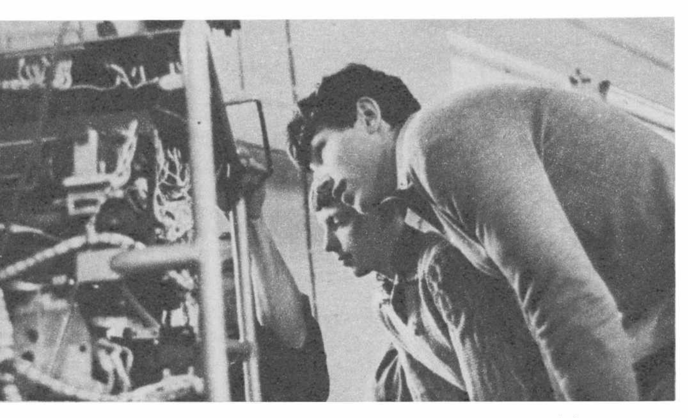
Много теплых слов было сказано в этот день.

Сколько их прозвенело за десять лет, этих звонков! Почти точно сосчитано: десять тысяч уроков; по звонку на урок и с урока — итого: двадцать тысяч.

И вот звенит последний звонок, и нет уже впереди ни одного урока, остались экзамены и — прощай, школа!

Впрочем, прощай — не совсем точно. Для многих правильнее будет сказать «до свидания», потому что очень уж прочные нити связывают рязанскую школу № 11 с ее бывшими учениками. Те из них, кто стал студентом пединститута, проходят в родной школе практику и даже замещают преподавателей, когда они болеют. Те, что работают на заводах, помогают родной школе в ее разнообразных делах: Витя Лопухов с «Рязцветмета» курирует радиоузел, Оля Живилова, окончившая торгово-кулинарное училище, будет нынешним летом работать поваром в школьном лагере труда и отдыха. А ребята, что ушли после восьмого класса в ПТУ, техникумы и училища — музыкальное, педагогическое, художественное, непременно посещают школьные беседы, лекции, вечера.

И все равно день последнего звонка — рубеж, по одну сторону которого остается детство, а по другую лежит Будущее, совсем еще неизвестное, туманное... Впрочем, почему же совсем неизвестное? Ведь каждый в какой-то мере уже наметил для себя дорогу...

Саша Гренадеров и Володя Малистов решили работать на заводе счетно-аналитических машин.

Много волнений несет этот звонок мамам, папам, дедушкам и бабушкам, вложившим весь жар своих душ в воспитание детей. А об учителях и говорить нечего.

В день последний десятиклассникам вспомнился далекий день первый, и в память о нем на доске кто-то написал те первые слова: «Мир. Май. Мама»... Ни один из учеников не пришел без цветов — школа буквально завалена ими.

И вот уже торжественная линейка. В актовом зале — белое каре: впереди девочки в снежных передничках. За десять лет постепенно расставались с косичками и вихрами — удивительно опрятны и элегантны старшеклассники одиннадцатой. Значит, не зря проводились здесь вечера хорошего тона, встречи с парикмахерами, модельерами...

И в радости есть место грусти

Непривычно дрожит голос директора, заслуженного учителя РСФСР Марии Ивановны Водотынской, когда она говорит:

— Мы всех вас будем помнить всю жизнь, любим и ждем!

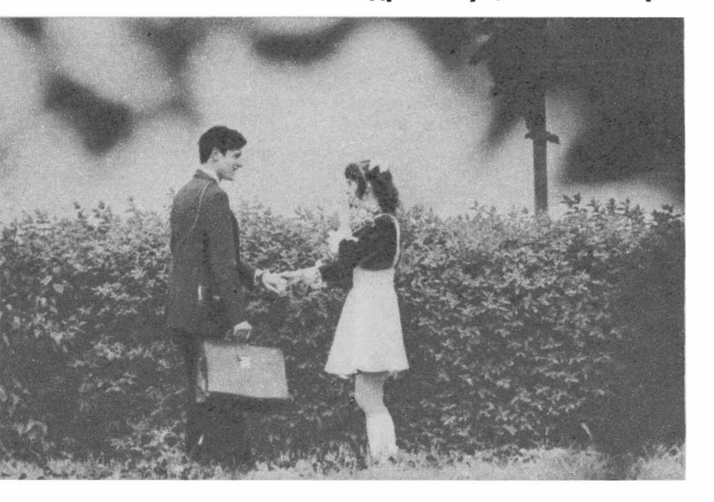
Для первоклашек подтекста пока не существует, они воспринимают лишь парадную сторону события и посему старательно чеканят приготовленные к торжеству стихи и никак не могут понять, отчего это Нина Герасимова, такая большая, вдруг запуталась в строках всем известного «Школьного вальса» и, сказав «спасибо» учителям, ни с того ни с сего заплакала. Хорошо малышам! Им еще долго шагать по школьным ступенькам. Но уже начиная с третьей ступеньки, как повелось в этой школе, к ним начнут присматриваться и учителя и врачи, будут оценивать их способности, наклонности, интересы, ресурсы здоровья. Будут водить их на заводы, чтобы увидели ребята, как работают родители, и поняли, что девяносто рязанских промышленных предприятий связывают свои планы на будущее с ними, такими еще пока маленькими человечками. И поможет школа каждому из них выбрать дело жизни по душе, по силам. Как помогли этим вот уже большим ста двадцати пяти десятиклассникам, из которых почти все более или менее четко видят свой завтрашний день. Двадцать восемь из них идут на производство прямо со школьной скамьи, тридцать четыре придут туда спустя два-три года, окончив техникумы и училища. Сорока шести выпускникам придется поучиться подольше, их путь — в институты. А семнадцать юношей решили посвятить себя благороднейшему делу — защите Отечества: они поступают в военные училища.

На долгую и добрую память.

Жизнь, вероятно, внесет свои коррективы в эту статистику, но можно не сомневаться, что большинству ребят и девчат удастся осуществить свои мечты. А последний звонок можно ведь считать и первым: он словно стартовый выстрел, возвещающий начало марафона, название которому Большая жизнь...

Здравствуй, юности пора!

ПОСЛЕДН

Рая Курбатова: Будущее светло и прекрасно...

ий ЗВОНОК

Звенит, звенит колокольчик.

Как десять лет назад...

ПЕРО РАБКОРА

В Колонном зале Дома союзов состоялось собрание работников многотиражной печати, фабрично-заводского радиовещания и рабкоровского актива столицы. Собрание было посвящено итогам работы XXIV съезда КПСС и задачам фабрично-заводской печати и радио.

На собрании отмечалось десятилетие со дня основания народного университета рабкоров Москвы.

Созданный при Московском отделении Союза журналистов СССР университет сделал пять выпусков. На факультетах печати, радиовещания, телевидения и художественном подготовлено около трех тысяч рабкоров-общественников. Овладеть мастерством газетчиков людям разных профессий помогли опытные преподаватели, квалифицированные журналисты, редакторы газет и журналов. Перед слушателями выступали главный редактор газеты «Правда» М. В. Зимянин, профессора и преподаватели МГУ имени Ломоносова, Высшей партийной школы при ЦК КПСС, Академии общественных наук, писатели и журналисты.

Надолго останутся в памяти выпускников встречи со старыми большевиками-правдистами. Герой Социалистического Труда Б. И. Иванов, старейший рабкор «Правды», поведал, как В. И. Ленин создавал газету «Правда». С интересным рассказом выступил старый большевик С. Г. Уралов, который в 1917 году по указанию ЦК партии передал «Правде» типографию буржуазной газеты «Русская воля». Слушатели встречались с участниками Великой Октябрьской социалистической революции и штурма Зимнего дворца, с ветеранами Великой Отечественной войны.

Слушатели и выпускники университета активно участвуют в многотиражных заводских газетах. Например, сварщик стана «300» завода «Серп и молот» А. Н. Миронов систематически выступает с заметками в «Мартеновке». Это обычно острые, принципиальные материалы, они помогают устранить неполадки в цехе, призывают товарищей по профессии поднимать культуру производства. На Московском автозаводе имени И. А. Лихачева — более двадцати рабкоров, все они активные корреспонденты стенной и многотиражной печати.

Ф. САФОНОВ

Наталья АЛЕКСЕЕВА

Юрий Балашов, Юрий Епифанов и Игорь Дмитриев... Таков состав вокально-инструментального трио, известного как «Ярославские ребята». Тот, кто будет читать эти строчки, сразу вспомнит серьезных, иногда даже мрачноватых на сцене парней, чьи веселые частушки и прибаутки всегда контрастируют с их неулыбчивыми лицами. А вспомнив, кто-нибудь обязательно подумает: что-то вроде их не видно... Раньше, бывало, как праздничный концерт по московскому телевидению, так обязательно выступление «ярославцев»... Что же с ними сейчас? Где они? Куда пропали?..

Отвечу: с ними все в порядке. Они не пропали. Просто праздничные выступления самодеятельного коллектива сменились будничным трудом профессионалов: «ребята» работают в Ярославской филармонии и месяцами находятся на гастролях...

— Наше трио возникло в шестьдесят втором году,— рассказывает самый старший из «ярославцев», 33-летний Юрий Епифанов.— В тот год мы встретились с Юрой Балашовым на строительстве Запсиба, куда в разное время и из разных городов приехали работать. Юра был на стройке грузчиком, путейцем, трактористом, а я — бетонщиком, потом слесарем... Оба мы любили петь и, конечно, стали ходить в местный Дом культуры. Балашов — тенор, я — баритон; исполняли зарубежные, советские песни, но больше всего русские

ЧУДО-ПЕЧЬ И «РУССКИЙ ЧАЙ»

В нашей стране более 500 тысяч магазинов и почти 240 тысяч предприятий общественного питания. Сейчас стоило бы приплюсовать к этим цифрам торговый центр, размещавшийся в парке «Сокольники» на территории выставочного городка. Здесь представляла свои экспонаты крупная международная выставка «Инторгмаш-71». Показ был столь многообразный, что невозможно упомянуть все собранное здесь. Но не сказать о павильоне «Русский чай» нельзя. Не только потому, что чайные — постоянная тема «Огонька». Красиво и удобно это незатейливое сооружение. Старина и новь переплетаются в нем воедино, подчеркивая уют и своеобразие павильона. И притом чайная чрезвычайно проста в изготовлении; ставят такой павильон без фундамента — на любой асфальтированной площадке, подводят к нему несложные коммуникации — и, пожалуйста, потчуйте гостей ароматным, освежающим напитком.

Не случаен интерес к чайной, который проя-

Дмитриев, Епифанов, Балашов.

Фото Д. Ухтомского.

ЯРОСЛАВСКИЕ РЕБЯТА

народные, причем такие, чтоб с юмором, с задоринкой... Любили мы частушки. Даже сами иногда сочиняли. Но никак не могли найти для себя какую-то определенную форму, что ли, которая помогала бы передавать со сцены всю нашу увлеченность народными мелодиями, припевками...

К счастью, в местный Дом культуры приехал из Ярославля Аленард Вихрев; опыт работы с самодеятельными коллективами в ярославском клубе «Гигант» подсказал ему идею создания вокально-инструментального трио, которое первоначально называлось «Откровенные ребята».

И вот Епифанов и Балашов, впервые в жизни взяв в руки балалайки, выучили несколько простых аккордов; основную мелодию вел Вихрев — на баяне. В шестьдесят втором году на самодеятельную сцену вышли три парня в больших черных кепках, светлых рубахах с отложными воротниками; музыку они подыскали себе сами, слова сочинили тоже сами. Пришел успех. А потом — после одного из всесоюзных фестивалей самодеятельного искусства в Москве — известность.

Троица стала неразлучна на сцене и в жизни. Когда Вихреву, организатору трио, пришлось вернуться в Ярославль, оба Юрия поехали за ним; оба устроились на работу на шинный завод...

Все бы хорошо, но настал такой момент, когда им стало недостаточно репетировать в клубе после работы. Времени не хватало. Ведь надо было не только петь, надо было сочинять новые частушки, подбирать музыку... Ребята ездили по деревням, разыскивая старинные народные мелодии. То, что было вначале лишь увлечением, даже отдыхом, превратилось в настоящую — вторую — работу. На заводе уже поговаривали: уж если «ребятам» так хочется петь, пусть идут в филармонию, а то ведь — за двумя зайцами погонишься... И решение было принято. Завоевав на 3-м Всероссийском конкурсе артистов эстрады звание лауреатов, «Ярославские ребята» пришли в филармонию. Первые же шаги новорожденных профессионалов сопровождались большими трудностями: Епифанов и Балашов остались без Вихрева, который в силу разных обстоятельств не смог покинуть «Гигант». Начались долгие поиски нового баяниста: один хорошо поет — и нужным им — третьим голосом, да играет плохо; другой, наоборот, баянист первоклассный, а вот голос...

И, наконец, в состав трио вошел двадцатичетырехлетний Игорь Дмитриев.

— Учился я в вечерней школе,— говорит он,— заодно заканчивал музыкальное училище по классу баяна. Отслужил в армии, вернулся в родной Ярославль... Вдруг узнаю, что меня хотят видеть «Ярославские ребята». Я об этом и не мечтал! Всегда с такой радостью ходил на их выступления, гордился ими. В общем, не верил до тех пор, пока не отправился с ними на гастроли...

— Устаете?

— Бывает... Устаем обычно в дороге. Но как выйдем на сцену, увидим веселые лица зрителей, заранее настроившихся на наши частушки,— усталости как не бывало...

На концерте вокально-инструментального трио «Ярославские ребята» начинаешь понимать, в чем их своеобразие, отличие от многих других, больших и малых, профессиональных ансамблей. Дело в том, что зритель не только вслушивается в хорошие, сильные голоса «ребят», не только улавливает и запоминает мелодию, но, что очень важно, остро и живо реагирует на каждое слово их песен. Потому что эти песни не запеты другими исполнителями: они принадлежат именно «ярославцам» — с одной стороны, а с другой — остаются глубоко народными.

«Ярославские ребята» получают массу писем от зрителей с предложением новых частушек, и нередко бывает, что трио вводит их в свою программу.

— Некоторые поэты пробовали сочинять для нас стихи,— рассказывает Юрий Балашов.— Но, как правило, стихи нам не годятся. Наверное, они чересчур профессиональны: слишком гладкие, если можно так сказать, незубастые... Может быть, наши прибаутки не так уж хороши по форме, но в них есть нужное нам и, думаю, зрителям содержание: веселое и современное — на злобу дня...

Действительно, песни «Ярославских ребят» затрагивают самые актуальные, волнующие темы: работа, космос, быт, любовь... И все это окрашено добрым, каким-то непринужденным юмором, присущим, я уверена, каждому человеку, который любит «ярославцев»... И зритель забывает, что перед ним артисты. Ему кажется, что три рабочих парня делятся с ним, зрителем, своими мыслями, наблюдениями... А это создает прочный контакт «ребят» с залом. Не раз бывало так, что на сцену выбегал какой-нибудь наиболее эмоциональный зритель, чтобы дружески-одобрительно пожать руки «ребятам»... То старушки придут, чтобы сказать: «Спасибо, родимые, больно хорошо». Ребятишки на улицах — так те проходу не дают: сами про «ярославцев» частушки сочиняют...

И все зрители дружно хотят от «Ярославских ребят» одного: пусть поют больше...

После одного концерта «ярославцы» поделились со мной своими планами. Хочется им когда-нибудь подготовить целиком отделение концерта, да сделать его похожим на театрализованное представление. Видится им оно приблизительно так. Открывается занавес. На сцене артисты: исполнители русских народных песен, хороводы танцоров, разодетых в яркие, нарядные русские костюмы... «Ярославские ребята» все время на сцене: может, просто стоят в сторонке — в неизменных черных пиджаках и брюках, заправленных в сапоги. С невозмутимыми лицами взирают они на народное гулянье, уже этим вызывая улыбки зрителей...

А потом они выходят вперед, степенно рассаживаются на лавочке и начинают:

Ярославские ребята,
Не умеем мы тужить,
Без частушек-прибауток,
Ой, нам и суток не прожить...

вляли иностранные участники выставки. Несколько зарубежных фирм пожелали приобрести такие сборно-разборные павильоны.

— Убежден, они найдут посетителей и на парижской улице и близ средиземноморского пляжа,— сказал один из французских участников «Интерторгмаш-71».

В «Русском чае» стояли медные традиционные тульские самовары, а в павильоне рядом — мало кому знакомая новинка: сверхвысокочастотная печь «Славянка», мгновенно готовящая антрекот или разогревающая кофе... Я попросил инженера Юрия Анатольевича Каргальского продемонстрировать возможности этой чудо-печи.

Каргальский открыл дверцу печи, поставил в «топку» стакан холодного чая. Посоветовал засечь время. Через 45 секунд обжигающий, горячий стакан оказался у меня в руках. Магнетронный генератор позаботился не только о том, чтобы разогреть чай, но и не испортил напитка.

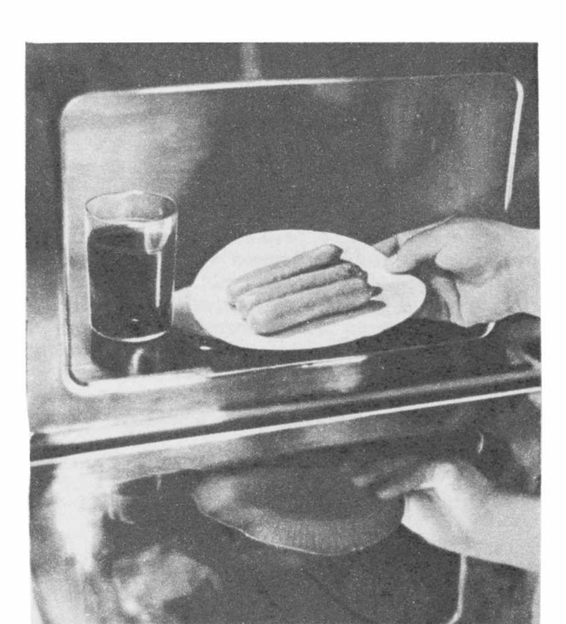
Потом положили в печь несколько яблок — и менее чем через минуту вынули их испеченными. Вкусно!

— В этой печи очень рационально используется электромагнитная энергия, — заметил Юрий Анатольевич. — Она разогревает только продукт, а вся внутренняя облицовка печи остается холодной.

Цыпленка такая печь зажарит за 2 минуты 35 секунд (проверено по хронометру!), шесть порций блинчиков с мясом были готовы в минуту и 15 секунд.

Как бы пригодилась такая печь-самобранка в школьном буфете, в небольшой рабочей столовой да и в том же «Русском чае»!

К. КОСТИН

На снимке: этот простенький шкаф, напоминающий небольшой холодильник, и есть чудо-печь — высокочастотная «Славянка».

Фото Б. Кузьмина.

ГЕРОИЧЕСКАЯ ЭПОПЕЯ

Бор. ЛЕОНОВ

Библиотека собраний сочинений советских писателей пополнилась еще одним. В этом году издательство «Художественная литература» завершило выпуск шеститомника Вадима Кожевникова. В него вошли такие известные рассказы, повести и романы писателя, как «Сорок труб мастера Чибирева» и «Степной поход», «Март — апрель» и «Заре навстречу», «Знакомьтесь — Балуев!» и «Щит и меч». И вот когда все ранее известное оказалось собранным воедино, оно открылось нам удивительно цельной многотомной героической эпопеей о советском рабочем классе, о революции и партии. Да, именно таково главное идейно-тематическое направление таланта писателя.

И все же писатель, безусловно, со всей ясностью, четкостью и партийной прямотой решил еще раз подчеркнуть именно эту свою цельность и последовательность в решении магистральной темы советской литературы — темы рабочего класса, революции. В этом убеждает и композиционное решение шеститомника. Казалось бы, традиционным и наиболее верным принципом в составлении такого издания был и остается принцип хронологический. Но В. Кожевников решил проблему иначе. Такой принцип, видимо, не соответствовал его замыслу. И он «открывает» собрание романом 1956—1957 годов «Заре навстречу», написанным уже известным писателем, за плечами которого был богатый опыт жизни и работы в литературе.

А хронология все же осталась. Но на сей раз она подчинилась творческому принципу писателя. Она обернулась самой историей страны в изображении ее В. Кожевниковым. Поскольку события романа «Заре навстречу» охватывают годы революции и становления Советской власти в далеком сибирском поселке Нарыме, это и обусловило место романа в собрании сочинений.

Многое в этом произведении навеяно личными воспоминаниями писателя. В. Кожевников, как и его главный герой Тима Сапожков, родился в Нарыме в семье профессиональных революционеров, сосланных туда за активную революционную деятельность. И эта автобиографичность, естественно, ощущается не только в изображении маленького Тимы, его родителей и тех людей, с кем сводила его жизнь в годы детства, но и в доверительной тональности произведения. Роман В. Кожевникова буквально пронизан ощущением времени.

«Мне хотелось сказать читателям,— писал В. Кожевников в одной из своих статей, — особенно молодому поколению, о том, что мы не случайно сокрушили гитлеровскую Германию, выиграли величайшую из битв на земле...

Моей целью было дать читателю почувствовать, что современность — это итог прожитого и свершенного за десятилетия, что нашим дням предшествовала колоссальная работа, титаническая по своему размаху и глубине, работа, которую возглавляла и направляла на всех этапах партия коммунистов, воспитанных Лениным».

Эти слова смело можно отнести ко всему, что написано В. Кожевниковым. Для него история страны воплощена в биографии его поколения, которую, говоря словами А. Фадеева, писатель всегда пишет.

Мальчишки и подростки играли в белых и красных, иногда сами оказывались участниками событий, о которых позднее писатель расскажет в повести «Степной поход».

Юноши вместе с отцами строили первенцы индустрии и помогали коллективизации в деревне.

На своем опыте это поколение постигало историческую правоту дела партии.

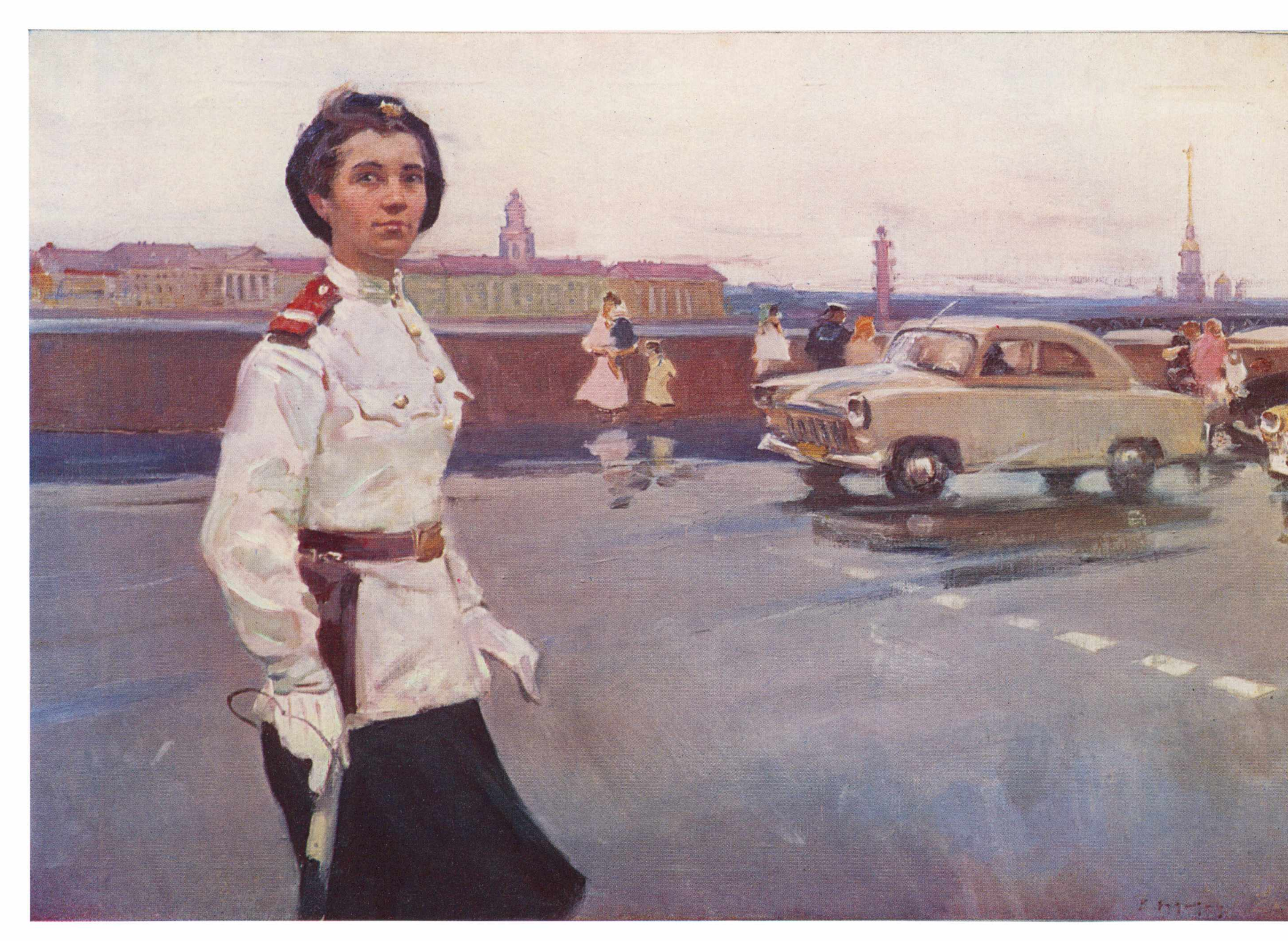
На гребне года великого перелома рождена была первая пятилетка, ознаменовав собой новый отсчет этапам исторического пути страны. Люди стали не только жить настоящим, но и смело заглядывать в будущее. Романтика обрела реалистическую основу. Она стала, по выражению В. Кожевникова, реалистической романтикой. Ее он постиг в самой жизни и перенес навсегда в свое творчество, начиная с первых очерков и рассказов. Именно в эти годы он с удостоверением «Комсомолки» и журналов «Наши достижения», «Смена», «Огонек» кочевал по стране, забирался в самые глухие ее уголки, разбуженные веселыми песнями комсомольцев — строителей заводов и фабрик, шахт и новых городов. В общем строю рабочих людей, близких ему с детства и родственных ему по революционному духу, писатель постигал смысл новой жизни, находил в ней сюжеты и героев своих произведений. Именно там и тогда открылись ему великие души скромных на вид, неприметных внешне Насти Кудряшевой (рассказ «Огни») и кубовщика старика Кочета («Кипяток»), горнового Полещука («Гудок») и Степана Чибирева («Сорок труб мастера Чибирева»). Каждый рассказ В. Кожевникова 30-х годов при всей своей автономности неразрывно связан с последующим и предыдущим, образуя летопись героических будней первых пятилеток. Это обусловливалось и выбранным героем, человеком активного действия, в поступках которого угадывалось само время.

Впереди были суровые испытания, о которых во весь голос писатель заявил в повести 1940 года «Мальчик с окраины». Впереди была война. Потом Победа. Впереди было наше сегодня и наше завтра. И все это предстает в произведениях писателя как нескончаемый подвиг рабочего класса, которому он посвятил все свое творчество, свое пристрастие коммуниста, гражданина, художника. Эту нескончаемость подвига рабочего человека подчеркивают рассказы последних лет в их органичном родстве с рассказами 30-х годов, объединенными в четвертом томе собрания сочинений.

Мужественными и стойкими рисует писатель строителей газопровода в повести «Знакомьтесь — Балуев!», которой открывается третий том. В нем помещены и рассказы военных лет. Как же так? Ведь повесть написана в шестидесятом. Не нарушена ли здесь автором его же система составления собрания сочинений? Думаю, что, напротив, он еще раз подчеркнул верность выбранному принципу. Подчеркнул судьбой героя одной из лучших повестей в нашей современной литературе о рабочем классе — «Знакомьтесь — Балуев!», судьбой Балуева, связанной войной с судьбами героев военных рассказов. А эти рассказы писателя и сегодня представляются одной из самых ярких, самых искренних глав героической эпопеи В. Кожевникова. В 1943 году, выступая перед товарищами по армейской печати (В. Кожевников во время войны был корреспондентом сначала «Красноармейской правды», а затем «Правды»), он говорил, что война с особой силой выявила героическую суть советского человека. Мы воочию увидели в нем черты, «которыми мы мысленно наделяем человека будущего, человека сильного, с чистым и ясным сердцем, с красивой и твердой душой... И если средь нынешних военных будней от писателя ускользнут черты этого нового человека, его будут презирать за слепоту».

«Мера твердости» — так называется один из рассказов военной поры. Писатель и сегодня определяет так то самое важное качество рабочего человека, которое обусловливает его право называться героем нашего героического времени. Такое право завоевали в борьбе за рабочее дело, за революцию Рыжиков и Ян Витол, Алексей Кудров и супруги Сапожковы, Капелюхин и многие другие герои романа «Заре навстречу». Такое же право завоевали бесстрашные и бессмертные «труженики фронта» — герои военных рассказов — связной Алексеев («Поединок»), шофер Петя Савкин («Неспокойный человек»), санитарка Ходоровская («Москвичка») и многие другие, как завоевали его Александр Белов и его боевые товарищи в известном романе «Щит и меч». Этот роман и завершает шеститомник.

В разговоре о шеститомнике В. Кожевникова нельзя обойтись и без упоминания о повестях «Петр Рябинкин» и «Особое подразделение». Вышедшие отдельной книгой в 1969 году в издательстве «Советский писатель» и в 1970-м в «Роман-газете», они органично связаны с собранием сочинений писателя, доказывая и подтверждая верность мысли о том, что все созданное В. Кожевниковым начиная с 1930 года, когда в журнале «Рост» был опубликован его первый рассказ «Порт», составляет единую героическую эпопею о рабочем классе, которую писатель продолжает создавать и сегодня в расцвете своей творческой зрелости.

В. Рутштейн. РЕГУЛИРОВЩИЦА.

А. Даниличев. ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА, НАЧАЛЬНИК ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ПОЖАРНОЙ ОХРАНЫ ПОДПОЛКОВНИК С. И. ПОСТЕВОЙ.

ГОРОД У СОЛОВЬИНОЙ РОЩИ

Начало — на стр. 6—7

бя львиную долю прибылей от эксплуатации рудников.

Вот об этой панской депеше мы и рассказали литейщику Лисковацкому. Он расхохотался.

— Вот старый дурень! А для чего же это я в Отечественную в атаки ходил? Да для того, чтобы и духу вражьего, панского да фашистского, тут не было! Мы вот какую махину-комбинат построили. Город-красавец на земле подняли. Я пришел сюда, когда еще и цеха не было, стены только клали... Вот вы спрашиваете, чем были для меня минувшие пять лет. Я уже давным-давно пенсионер, а вот работаю. Не могу без своего цеха, без товарищей. Четверых детей вырастил, выучил. Сын у меня старший инженер-нефтяник, дочь — учительница, младший — машинист турбины. Уж как-нибудь без пана Ленцкоронски разберемся, куда нам прибыля девать, в какой банк складывать.

Самое памятное

Упругие, сочные огурцы свисали с вьющихся стеблей. В густой зелени сверкали красные, как кровь, помидоры. Свежий аромат весны влажно витал под прозрачными сводами теплиц.

Наш спутник Анатолий Степанович Костырко, директор крупнейшего в стране горнохимического комбината, дающего народному хозяйству страны львиную долю добываемой у нас серы, показывал теплицы, озабоченно говорил об огурцах, помидорах и с гордостью рассказывал нам, как рабочие, возвращаясь после смены, покупают в ларьке ранние овощи. Почему этот человек должен думать об огурцах, о помидорах? Я понял это после того, как мы объехали весь город под названием Новый Роздол.

В самом центре его на просторной площади высится богатый Дворец культуры. Блеск паркета, витражи, прохладные залы. Дворец — детище горнохимического комбината. От дворца мы направились к плавательному бассейну — гордости города. В обрамлении белоснежного кафеля — плеск прозрачных волн, брызги, смех детворы. Щедрый подарок комбината молодым новороздольцам! Недаром сюда на тренировки приезжают пловцы — москвичи и ленинградцы. Были мы в новом профтехучилище, где занимаются будущие химики, ходили к первому в городе, еще строящемуся девятиэтажному жилому дому, видели торговый центр, новые больницы, новые детские сады, недавно открывшийся химико-технологический техникум. Ездили на берег живописного озера Барвинок, расположенного в лесу, невдалеке от города... И мы поняли: обо всем должен думать Анатолий Степанович Костырко. Потому что есть у членов партии такой закон: каждый на своем посту обязан нести ответственность за все, что его окружает.

Новый Роздол, в прошлом поселок на Львовщине, получил статус города в минувшем пятилетии. Это один из 113 новых городов, появившихся на карте страны за минувшие пять лет. Председатель горсовета Альберт Григорьевич Стефановский сказал нам, что сейчас здесь более 20 тысяч жителей. Почти половина населения добывает серу, остальные так или иначе связаны с горнохимическим комбинатом. О ком же, как не о рабочих своего предприятия, их семьях, детях, должен заботиться директор Костырко, один из двадцати тысяч новороздольцев?

У него-то у первого мы взяли интервью, как у избирателя нового города. Что для него самое памятное за прошедшие пять лет?

— Дни работы XXIV съезда партии, делегатом которого я был,— ответил Анатолий Степанович.— Партия призвала коммунистов не жалеть сил для того, чтобы наш народ жил еще лучше. Это для нас главное. Я понимаю свою задачу так. Наш комбинат дал первую серу двенадцать лет назад. У нас — в Николаевском райкоме партии, в парткоме комбината — родилась мысль расширить полезную деятельность предприятия. Сельское хозяйство получает теперь от нас ежегодно более миллиона тонн удобрений. На это идут отходы производства, «хвосты», как мы говорим. Но из тех же хвостов можно производить хороший цемент. Так почему бы нам не построить еще один цементный завод, в Новом Роздоле? Обком партии нас поддержал. Сейчас вопрос о цементе решается в правительстве республики... Каждый из нас должен работать так, чтобы люди чувствовали себя в своем городе уютнее, чтобы им легко работалось и ни в чем бы у них недостатка не было.

Марьян Лисковацкий смеется

— Вот так история! — захохотал Марьян Антонович.— Неужели так и написал? Из ума выжил пан, дошел до точки...

С рабочим-литейщиком Марьяном Антоновичем Лисковацким нас познакомили в ремонтно-механическом цехе комбината. Большой умелец своего дела — цветного литья, человек разговорчивый, веселый, он один из старейших избирателей города. Средний возраст жителей здесь немногим более 20 лет. А Лисковацкому уже 64. Марьян Антонович родом из села, что неподалеку от Нового Роздола. Помнит он, как на том месте, где город образовался, когда-то лежали гнилые болота. Помнит, что лес, который нынешняя молодежь Соловьиной рощей называет, раньше был Хлопским лесом, а тот, что подальше лежит,— Панским. Помнит литейщик и о том, что много лет назад здешними землями владел магнат Ленцкоронски, в имении которого нынче расположен дом отдыха.

Перед тем, как встретились мы с Лисковацким, секретарь парткома комбината Александр Дмитриевич Абрамчук рассказал нам о выходке того пана, обосновавшегося где-то за океаном. Прослышав, что в Западной Украине началось строительство мощнейшего предприятия по добыче серы — очень ценного продукта,— пан Ленцкоронски решил преподнести Советам пилюлю. Как только в прессе появились сообщения о вступлении в строй действующих Ново-Роздольского горнохимического комбината, одряхлевший магнат из-за кордона прислал грозную депешу. Понеже, дескать, залежи роздольской серы находятся на его, пана Ленцкоронски, земле, он требует для себя львиную долю прибылей от эксплуатации рудников.

Улица Ленина, дом 7-а

Дали нам в горсовете несколько адресов жителей Нового Роздола по фамилии Хробак. Ну-ка, думаем, как однофамильцы в новом городе поживают? Пошли по указанным адресам. И везде неудачи: одна квартира на замке, вторая... Наконец, последний адрес, улица Ленина, 7-а. Особняк, вишни в цвету, голоса детей со двора доносятся.

Оказывается, все те, кого мы разыскивали, собрались в этом доме по случаю выходного дня. И то, что фамилия у них одна, не просто совпадение. Это все родственники — четыре семьи, родители и дети. Хозяева дома — глава рабочей династии Василий Андреевич Хробак, слесарь автотранспортного цеха комбината, и его жена Ирина Михайловна, которая там же, на комбинате, маляром работает. Встретили нас радушно. Представили нам своих сыновей, дочь, зятя и невесток. И, побеседовав с этими людьми, мы словно въявь увидели дела, трудовые будни предприятия-гиганта, все то характерное, что сегодня олицетворяет юный город, раскинувшийся в Приднестровье.

За обедом шел обычный разговор о жизни, о заботах, старшие и младшие обменивались новостями. И о чем бы ни говорилось, нити беседы сводились к предприятию, к его 27 цехам, к рудникам, карьерам... Сын, Орест Васильевич, возглавляет на горнохимическом бригаду, занимается высоковольтными линиями. Елизавета Тадеевна, его жена, учит в школе комбинатовских ребят математике. Второй сын, Андрей Васильевич,— помощник машиниста экскаватора, а жена его, Ирина,— инженер-конструктор. Дочь, Ульяна Васильевна, работает контролером ОТК, зять, Владимир Васильевич Пашко, инженер-электрик, на самом отдаленном Подорожнянском карьере монтирует в эти дни исполинский 11-километровый конвейер... Трое из рода Хробаков имеют теперь высшее образование, двое — среднетехническое. У Ирины и Андрея своя радость: родился первенец. Бутуз-непоседа Русланчик, которому, кстати, очень понравилось фотографироваться.

Глава семейства Василий Андреевич с улыбкой глядел на сынов и невесток.

— Эх, нам бы с матерью да ваши сейчас годы! Знаем, знаем: учиться и работать тоже нелегко. Но ведь для себя, для будущего стараетесь. Дорога прямая: трудись на совесть — и люди скажут спасибо. Раньше в нашей западной стороне как жил народ? Бедно, темно, никакого просвета не было. Сегодня—тебе и техникумы и институты, библиотеки, да и санатории. С нашего-то комбината отправили под Одессу домики деревянные, на морском берегу поставили. Купайся, загорай, отдыхай. И все удовольствие за двадцать копеек в сутки. Прямо скажем — даром. Но знаете, что самое важное? — Он повернулся к нам.— Люди изменились. Мысли теперь у них другие, совсем не те, что когда-то при панах. Мы в молодости превыше всего ценили свой клочок земли, свою хату. А сыновья нынче на дом, где мы сейчас с вами сидим, рукой махнули. Еще и смеются: «К чему, тато, эта собственность, одна с ней морока». Получили от государства квартиры и ушли. «Свое» они уже понимают иначе. Свое для них — это весь город, все то, что сообща здесь строили и строим. Мне мысли такие по душе, правильные они. Новое в помыслах людей — это и есть самое драгоценное из всего, что произошло в нашем крае, особенно за последние годы. Я этому рад как коммунист и как человек, на глазах у которого все тут начиналось и создавалось.

...Из дома Хробаков мы поспешили во Дворец культуры. В малом зале уже гремели аплодисменты. Новороздольцы — лучшие из лучших — в тот вечер получали награды Родины. На груди директора комбината А. С. Костырко сверкал только что прикрепленный орден Ленина. Все в зале поздравляли бригадира машинистов шагающего экскаватора Михаила Алексеевича Наконечного, которому вручили Золотую Звезду Героя. Увидели мы тут и нашего доброго знакомого — литейщика Марьяна Антоновича и парторга Абрамчука — оба с орденами «Знак Почета». А всего более ста работников комбината были отмечены орденами и медалями.

Лет двенадцать назад, а может, и больше, когда еще только начинали вырисовываться очертания Нового Роздола, я как-то встретил здесь по-военному подтянутого человека. Он вместе со строителями обсуждал у груды кирпича план застройки первой городской улицы. И вот сегодня мы вновь увиделись с ним во Дворце культуры. Секретарь Николаевского райкома партии Георгий Захарович Сидоров вроде бы мало изменился. Только очки надел да седина появилась...

Мы и Георгия Захаровича спросили: что в его жизни самое дорогое? Он обвел взглядом горняков, заполнивших фойе,— золото и серебро наград сверкало в свете зажженных люстр.

— Самое дорогое в моей жизни перед вами: все эти люди. Многих из них я знал еще юношами. Они тогда делали первые шаги, мы помогали им входить в жизнь. Как же они возмужали!..

Лучшие годы своей молодости отдал Георгий Захарович этой земле, ее людям. Буквально во все, что ныне здесь поднялось, расцвело, окрепло, вложил коммунист Сидоров частицу своего сердца. Так нам сказали жители юного города. Да, собственно, так можно сказать о любом из них.

Байконур. 6 июня 1971 года. Командир космического корабля «Союз-11» Г. Т. Добровольский, бортинженер В. Н. Волков и инженер-испытатель В. И. Пацаев перед полетом (слева направо).
Телефото Н. Акимова (ТАСС).

ГЕРОЯМ КОСМОСА

Юрий САЕНКО

I

Веками тлела звездных высей мгла,
Струясь сквозь линзы в тишь обсерваторий,
И дерзостность расчетов и теорий
В реальность дел облечься не могла.

Над крыльями двуглавого орла
Мерцали неприступности просторы,
Но Ленин знал, что с выстрелом «Авроры»
В туманный космос полетит стрела.

И вот, уже в легенды одеваясь,
Неся в себе надежд весенних завязь,
Гагарин поднялся за облака,
Под звездами пронесся метеором,
И мир поныне восхищенным взором
Глядит на путь, вчеканенный в века.

II

Наш герб давно в глубинах небосвода,
Из новых трасс теперь снуется нить,
Космическим Колумбом стал служить
Ум инженерный чудо-лунохода.

Взята в пробирки лунная порода,
Теперь и Марсу тайн своих не скрыть,—
Рабочий космос начинает жить
По пятилеткам нашего народа.

В честь космонавтов — тружеников мира
Натянуты тугие струны лиры,
И подвигом гордится та земля,
Где вычерчены трассы корабля
И сверены сердец ориентиры
С рубиновыми звездами Кремля.

Что я хочу сказать Марку Донскому...

Твой современник — человек, с которым, что называется, бок о бок прошла вся твоя сознательная жизнь, твой друг, твой всегдашний единомышленник,— да разве скажешь ему: ты классик!

Но я все-таки хочу воспользоваться случаем и сказать моему большому другу Марку Семеновичу Донскому в день его славного семидесятилетия о том, что созданные им, его горячим сердцем, его щедрым талантом картины, уже давно признанные классикой советского кино, делают, разумеется, классиком самого Марка Донского.

Его трилогия «Детство Горького», «В людях», «Мои университеты»; его знаменитая «Радуга» — горькая, но великая правда жизни, правда образов, которую всегда несет с экрана зрителям Марк Донской,— ведь эта правда, как признают итальянцы, подтолкнула их киноискусство на путь неореализма.

«Радуга» и «Непокоренные» — оба фильма стали обличением фашизма, фашистского насилия над человеческими душами. Они в то же время славная летопись героической борьбы народа за свободу и независимость.

Режиссер большого творческого диапазона, Марк Донской поднимается до вершин духовного, психологического обобщения в «Сельской учительнице», фильме о благородном, подвижническом труде человека.

Создание дилогии о замечательной женщине Марии Александровне Ульяновой, матери Ленина явилось воплощением давно взлелеянной мечты режиссера.

Сейчас в творческий строй образов Марка Донского встает новый герой — Федор Шаляпин. Русский мужик, русский богатырь, русский певец... А мы снова ждем новых находок, новых открытий, как это было всегда, в каждой новой работе режиссера.

Высокое звание Героя Социалистического Труда, присвоенное замечательному художнику современности,— достойное признание заслуг Марка Семеновича Донского перед отечественным кинематографом.

Народный артист СССР
Григорий АЛЕКСАНДРОВ

ПРЕСТУПЛЕНИЯ АГРЕССОРОВ

Виктор МАЕВСКИЙ

Напуганное размахом антивоенного движения в США и нарастающим протестом во всем мире против агрессии в Индокитае, правительство Никсона пытается создать впечатление, будто оно идет к «окончанию войны», будто «виден свет в конце тоннеля». Не проходит дня, чтобы кто-нибудь из официальных лиц Вашингтона не выступал с проповедями на эту тему.

Такого рода лихорадочная активность говорит о беспокойстве в американской столице на пороге кампании по выборам президента, о стремлении Белого дома и Пентагона скрыть подлинный характер войны, распространенной на весь Индокитай, скрыть преступления, совершенные американской военщиной, уйти от ответственности за них перед народами Вьетнама, Лаоса и Камбоджи, перед мировым общественным мнением и американским народом.

Но преступления эти невозможно скрыть. С каждым днем они становятся достоянием общественности, вызывая гнев миллионов людей во всем мире. Было время, когда казалось, что в варварстве и злодеяниях нельзя пойти дальше гитлеровцев. Пентагон доказал, что можно пойти дальше.

Я только что возвратился из поездки в Демократическую Республику Вьетнам, где был в составе делегации Международной комиссии по расследованию военных преступлений США в Индокитае. Должен сказать, что факты, с которыми мы столкнулись, заставили меня думать, что гитлеровцы могли бы позавидовать изуверству американских неоколонизаторов в Индокитае.

Научно-технический прогресс в США открыл перед Пентагоном невиданные возможности. США превратили Индокитай в полигон для испытания всех видов смертоносного и разрушительного оружия, кроме ядерного. Арсенал бомб увеличился во много раз — от гигантских до ручных. Американские стервятники сбросили на вьетнамскую землю свыше 9 миллионов тонн бомб — намного больше, чем американская авиация на страны в Европе во время второй мировой войны.

Были стерты с лица земли многие города и селения, разрушены госпитали и школы, пагоды и церкви, бомбежкам подверглись тысячи кооперативов, сотни предприятий, мосты — от самых больших до самых маленьких. Но главным объектом варварских налетов и обстрелов были и остаются люди — мирные жители, уничтожение которых Пентагон сделал своей главной целью. Именно для этого было разработано и пущено в ход оружие не только массового, но и индивидуального поражения — хитроумные «одетые мины», «бомбы-деревья», «бомбы-апельсины», «бомбы-ананасы» и т. д. Американская военщина прибегла к отравляющим газам, применяет гербициды и дефолианты в увеличенной концентрации, поражая растения, отравляя воду. Все это тоже с целью уничтожения людей.

Белый дом взял на вооружение политику «умиротворения», означающую ликвидацию мирных селений, скота, запасов продовольствия, сгон населения Южного Вьетнама в «стратегические деревни» — концлагеря за колючей проволокой и под дулами пулеметов. Это привело к гибели сотен тысяч людей. А изобретенная Вашингтоном «вьетнамизация» исходит из того, что вьетнамцы должны уничтожать вьетнамцев, лаотянцы — лаотянцев, камбоджийцы — камбоджийцев, что все народы Индокитая должны убивать друг друга во имя утверждения американской «демократии» и «цивилизации».

Как бы ни называли доктрины, рожденные в Вашингтоне, основной доктриной США в Индокитае было и остается правило «уничтожай все и всех». Не случайно в американской армии получила утверждение система подсчета убитых любым подразделением и лично солдатами и офицерами. Успехи в этой области дают право американским воякам на награды и повышения. Надо ли удивляться, что уже давно американцы практически не берут пленных. Когда палач Колли расстреливал мирных жителей Сонгми, он гнался за цифрой убитых в соответствии с порядками, установленными Пентагоном.

С какой стороны ни посмотреть, американская война в Индокитае — это война на уничтожение целых народов, это геноцид. Показать миру всю глубину этого преступления — задача миролюбивых сил во всем мире.

В двадцатых числах июня в Осло состоится заседание Международной комиссии по расследованию военных преступлений США в Индокитае, призванное привлечь внимание широкой общественности к злодеяниям американской военщины на индокитайской земле. Время требует решительных действий для того, чтобы положить конец преступлениям США, покончить с позорной колониальной войной американского империализма, обеспечить долгожданный мир в Юго-Восточной Азии.

15. НОЯБРЬ, 1942. ДАВОС — ТИФЕНКАСТЕЛЬ — МАРТИНСБРУК.

Оказывается, и от отдыха хочется иногда отдохнуть! Роз до смерти наскучили вязание и прогулки в окрестностях Давоса. В перерывах между сеансами связи, встречами с Жаном и сном она связала шарф Жану и ему же варежки и две пары толстых горных носков. В Давосе царит осенняя чинная скука, прерываемая лишь приходом газет с военными телеграммами и экстравагантными выходками бывшей кинозвезды, со скандальной поспешностью пытающейся женить на себе впавшего в маразм старшего отпрыска божественного Хирохито. По утрам идет снег, к середине дня он тает, а в сумерках покрывается пленкой льда. Роз постоянно знобит, но она держится бодро и не докучает Жану жалобами.

Жан поселился в городке. В отеле нашлась недорогая комната, на самом верху, с окнами во двор. Жан, что-то прикинув про себя, сказал, что поживет дня три-четыре; Роз проявила догадливость и настояла, чтобы он взял у нее взаймы. До лучших времен. Не вечно же они будут бедняками. Жан, мучительно краснея, спрятал в бумажник кредитки и был особенно молчалив в тот день. Этих денег не хватит надолго, но их выручил перевод — гонорар за чертежные работы для «Лонжина», выполненные Жаном в Женеве. С тысячей франков в кармане Дюрок посчитал себя Крезом и пригласил Роз съездить на денек в Тифенкастель, где на маленькой сцене выступает гастролирующее кабаре. Роз согласилась: Грюн опять исчез, предупредив, что встретится с ней не раньше чем через неделю, а начатый для Жана пуловер может подождать.

Их отношения развиваются странно. После первой радости, испытанной Роз при встрече, она словно застыла, испугавшись предстоящего, и Жан почувствовал это. Здесь, в горах, никто не может помешать им любить друг друга; но Ширвиндт даже из далекой Женевы ухитряется невидимо влиять на Роз, и она все время помнит об их разговоре.

Роз изо всех сил стремится не подавать вида, что ей трудно. Хорошо, что Жан не настаивает ни на чем и держит себя в руках. Лишь однажды на тропе, огибающей пустое шале над скалой, он не выдержал и обнял ее так, что у Роз остановилось сердце. Она с трудом высвободилась и присела на камень.

— Ради бога, Жано!..

Жан, отвернувшись, рассматривал скалу. Плечи у него были мокрые от растаявшего снега. Горы плыли перед глазами Роз...

— Я больше не буду,— по-детски сказал Жан.

Роз улыбнулась ему сквозь слезы, и они пошли вниз...

Кабаре в Тифенкастеле оказалось отвратительным. Гастролерши, пухлые баварские провинциалочки, пели и плясали, как заведенные, и с кукольным равнодушием обнажались под оркестр. Это было типичное германское «анблик» — зрелище, не столько непристойное, сколько скучное,— и Роз с Жаном не досидели до конца. Какие ветры занесли труппу в Швейцарию? И почему не возвращаются в рейх,— война?

Прижавшись к плечу Жана, Роз думает об этом, и озноб, покинувший было ее в теплом зале, появляется вновь. Пальто у Роз нет, а тонкий шерстяной плащ слишком легок для ноября. Тифенкастель засыпает: в маленьких городках, где будни похожи на траур, а праздники — на будни, спать ложатся рано. Черепичные крыши черны, ставни опущены. Над крышами скрипят под порывами ветра жестяные кораблики и петухи, вечные труженики этих ветреных мест. До поезда еще не меньше двух часов, и Роз, ведомая Жаном, медленно идет к ратуше. Она запрокидывает голову и видит облака, нависшие над шпилем, белесые промоины меж облаками, звезду, похожую на стекляшку из «тэтовской» броши: для настоящего бриллианта звезде не хватает чистоты и глубины блеска.

Жан, отвернув рукав, смотрит на часы. «Спешить некуда»,— думает Роз и уютно припадает к его плечу. Ей хочется щекой почувствовать тепло Жана, но щека, как подушку, легко приминает подбитое ватой холодное плечо пиджака. Озноб усиливается.

Жан тихо насвистывает, и Роз узнаёт мотив. «Ах мой милый Августин... Августин... Августин...» — песня из старой детской сказки. Они с Жаном — Сандрильона и Принц, и ратуша — замок, где живет добрая близорукая фея Осени. Во всем мире у детей одни и те же сказки.

Состояние Роз близко к полной отрешенности, и автомобиль, притормозивший в нескольких шагах от них, она готова принять за карету волшебницы. Черный и почти бесшумный, он пофыркивает мотором, и звук этот похож на всхрапывание коней, ждущих Сандрильону, чтобы везти ее на бал.

Хлопает дверца, и кто-то большой, неповоротливый преграждает им дорогу. Вспыхивает карманный фонарик и шарит лучом по лицу Жана.

— Господин Дюрок?

Жан отстраняется от Роз и делает шаг вперед.

— Да, я. В чем дело?..

— Полиция кантона. Следуйте за мной!

— Это недоразумение...

Роз, приходя в себя, становится рядом с Жаном и берет его за рукав. Губы ее пересыхают.

— Дама с вами?

— Да!— резко говорит Роз.— Но объясните же, в чем дело?!

Из машины вылезает второй и не спеша подходит к ним.

— Я требую...— начинает Жан, но его перебивают:

— Все требования вы заявите в комиссариате.— И к Роз: — Будьте так добры предъявить документы.

Роз открывает сумочку, роется в ней — пудреница, платок, оправленный в серебро флакончик с духами... мелкие монеты... Все не то! «Боже мой, что произошло?.. Зачем полиции нужен Жан?!» Тревога за Жана заставляет ее спешить, монеты падают на тротуар.

— Мое имя Роз Марешаль. Я подданная Франции.

— Очень хорошо,— говорит полицейский.— Вам придется удостоверить свою личность в комиссариате. Простая формальность.

— Это недоразумение, Роз! — с силой восклицает Жан.— Какая-то чертовщина!

— Конечно, Жано...

Чиновники пропускают их к автомобилю. Один садится рядом с шофером, второй распахивает заднюю дверцу.

— Сначала вы, потом мадам,— говорит он. Его немецкий язык сухо рокочет в ушах Роз. В темном салоне машины Роз находит руку Жана и вкладывает в нее свою.

— Все будет хорошо,— шепчет она.

Жан молчит.

Машина за пять минут покрывает расстояние от ратуши до шоссе и, набирая скорость, несется в ночь. По ровному гулу мотора Роз догадывается о его мощи — настоящий «супер». Не убирая левой руки с ладони Жана, правой она нащупывает в кармане плаща полупустую пачку сигарет и зажигалку. Спрашивает:

— Я могу курить?

— Курите,— говорит чиновник.

Роз держит зажигалку горящей чуть дольше, чем требуется, чтобы зажечь сигарету. Прямо перед ней в спинке сиденья на подвеске покачивается хрустальная пепельница; лицо чиновника, освещенное снизу, кажется вырезанным из серой пемзы. Кожаная бордовая подушка сиденья мягко пружинит при движениях Роз. За плечом шофера, там, впереди, фосфоресцирует длинный щиток со множеством циферблатов... Она не сразу вбирает детали в сознание, но, вобрав, уже не может отрешиться от ощущения несоответствия этой роскоши с обычной дозой автомобильных удобств. Эта машина шикарна, как кокотка; она недопустимо дорога для ограниченной в средствах швейцарской полиции.

— Это «форд»?— быстро спрашивает Роз чиновника.

— Что?.. Нет, «испано-сюиза»,— отвечает тот и спохватывается: — Какое вам, собственно, дело до этого?

Роз встряхивает руку Жана.

— Жано!.. Приди в себя, Жано!.. По-моему, это не полиция!

Чиновник начинает странно дрожать, и Роз не сразу понимает, что он смеется — мелко и совершенно беззвучно.

Второй, рядом с шофером, нехотя оборачивается.

— Заткнитесь!

Это слово, сказанное с ленивой злобой, объясняет Роз все. Горящей сигаретой она тычет в лицо того, кто сидит справа от нее, и сквозь сноп искр перебрасывается к дверце, пытаясь нащупать ручку. Пальцы ее успевают почувствовать холодный металл, но это ощущение, опережаемое нестерпимой болью в затылке, оказывается последним, испытанным ею перед тем, как потерять сознание...

...Немецкая речь врывается в небытие и разрушает его.

Машина продолжает мчаться по темному шоссе, не замедляя движения на поворотах. Роз пытается вскарабкаться с пола на сиденье, но руки подламываются в локтях.

— Ну, что? — слышит Роз.

— Как бы она не стала орать!

— Так успокой же ее, Рольф!

— Ты прав!

Вместе с этой фразой боль вторично вспыхивает в затылке. Роз падает в пропасть, успев понять, что удар нанесен Жаном.

Новый обморок длится дольше первого. Роз поднимают на подушки, встряхивают, тычут носом во флакон с чем-то вонючим. Запах пробуждает сознание, а вместе с ним боль и страх. Роз ничего не может поделать с собой. Ее колотит истерика, и Рольф держит ее за шиворот.

— Ты... ты...

Роз пытается связать слова, но они рассеиваются, как бисер.

— Ты — Рольф?.. Гестапо?..

— СД!— коротко говорит тот, кого она привыкла звать Жаном.— Примиритесь с этим, Роз, и ведите себя спокойно.

Помолчав он добавляет:

— Если вы проявите благоразумие, все сложится не так уж плохо.

Жан. Гестапо. Рация. Грюн... Вальтер в Женеве... Москва... Роз продолжает плакать с сухими глазами. То, что случилось, непоправимо. То, что произойдет, страшно... Горный воздух за окном непроницаемо черен. Водитель включает фары, и взгляд Роз наталкивается на придорожную табличку. Еще на одну. Они проносятся, сменяя друг друга, и она, словно по складам, читает: «Замаден». Потом: «Цернец». У Цернеца магистраль растечется по двум руслам. Роз это знает. Левое русло — через Зюс и Шульс — выводит к австрийской границе. «Остеррейх» — теперь это тоже Германия... Мамочка дорогая, помоги мне!..

Рольф встряхивает ее за воротник.

— Вы слышите меня?

— Скажи ей,— вмешивается водитель,— что я сам влеплю ей в лоб пулю, если она зашумит на границе.

— Она не будет шуметь.

— Пусть пеняет на себя.

— Не отвлекайся, а то еще врежешься.

— Будь спокоен, Рольф! Я ненавижу больницы.

Эти двое говорят обычными голосами. Их интонации спокойно приглушены, как у людей, отдыхающих после работы и коротающих время за необязательным разговором о быте. Так болтают в ожидании поезда на перроне вокзала. Горло Роз перехватывает спазм.

Спящие Цернец, Зюс и Шульс — каждый в отдельности — на несколько минут сменяют черноту ночи за стеклами светлой краской своих домов. И опять тянется мрак.

— Скоро Мартинсбрукский пост,— предупреждает шофер.

— Когда?

— Минут через сорок.

— Отлично! Приготовь паспорта... Здесь всегда досматривают?

Продолжение. См. «Огонек» №№ 18—23.

— Когда как. А где паспорт этой птички?
— Вместе с нашими... Может быть, внизу?
— Ладно... Пусть только не поет. Скажи ей об этом еще раз!
— В крайнем случае стреляй.
— В нее?
— В пограничников.
— Хорошо, Рольф, я понял.

«Попробую,— думает Роз.— Должен же быть досмотр!.. А если нет? Крикну... Пусть стреляют, это все-таки лучше...» Она сжимается в комочек, всем своим видом доказывая этим четверым, что от страха потеряла и голос, и слух, и силы для сопротивления. Когда к ней обращаются, она вздрагивает и старается сделаться еще меньше, уподобиться улитке, ушедшей в раковину — последнюю защиту от бури.

— Приготовьтесь,— негромко говорит шофер.— Мартинсбрук!..

Машина въезжает на освещенную площадку и тычется радиатором в полосатый шлагбаум. Шофер протягивает в приоткрытую дверцу паспорта.

— Четверо мужчин и дама.
— Багаж?
— Один момент!..

Пограничники — их двое — стоят у подножки. Роз с силой отталкивается от сиденья, кричит:

— Бандиты!.. Это банда, задержите их!
— Черт!

Машина срывается с места, и Роз валится на пол: съезжая с шоссе, шофер круто взял назад и вправо. Надрывно воет сирена у шлагбаума и в третий раз рождается боль в разбитом затылке Роз. Остальное — выстрелы, крики, ругань, движение — проходит мимо нее. Высаженное пулей заднее стекло сыплется на волосы и плечи, ранит шею. С тонким всхлипом дергается и замирает гестаповец на переднем сиденье. Машина с трудом выбирается из кювета на шоссе и на спущенных баллонах дотягивает до конца нейтральной полосы. А для Роз все это — только адская боль и грохочущие в ушах колокола.

16. НОЯБРЬ, 1942. ПАРИЖ, ОТЕЛЬ «ЛЮТЕЦИЯ».

С самого утра штаб-квартира ходит ходуном: ночью, без предварительного уведомления, прилетел генерал фон Бентивеньи и через высшего руководителя СС и полиции в Париже пригласил к себе на 8.30 штандартенфюрера Рейнике и старшего правительственного советника Гаузнера вместе с десятком других чинов гестапо. Модель и Шустер тоже включены в число приглашенных — со стороны абвера. Адъютант генерала отказался сообщить подробности, сославшись на незнание. Шустер приехал в «Лютецию», едва успев побриться и сменить белье: всю ночь он провел в Версале, где посты радио-абвера вплотную подобрались к одному из передатчиков. Шустер и Родэ нашли места для палаток, но потом выяснилось, что стоят они неудачно, и места пришлось менять, приноравливаясь к планировке улиц. Только на рассвете они добились желаемого, и квартал, откуда работает передатчик, оказался взятым в клещи.

В ожидании совещания Шустер дремлет в глубоком кресле у двери кабинета. О чем бы ни говорил генерал, в адрес Шустера он не бросит упрека: радио-абвер в Париже делает все, что требуется. Остальное же капитана касается постольку поскольку, и он заранее отводит себе на совещании удобную роль созерцателя. Совсем иначе себя чувствует Рейнике. Он даже не дает себе труда скрыть неудовольствие приглашением. СД ни в малейшей степени не зависит от абвера, и фон Бентивеньи злоупотребил положением, вызывая его к себе, да еще через посредство генерала полиции Кнохена и военного губернатора Парижа генерала Боккельберга. Интересно, что скажет Кальтенбруннер, получив сообщение о совещании?.. Рейнике нетерпеливо подрагивает коленкой; свет тускло отражается на кончике его сапога. Штандартенфюрер зевает и громко спрашивает адъютанта:

— В абвере всегда так точны?

На его часах 8.31. Адъютант молча показывает на электрическую «омегу», висящую в простенке,— 8.29.

— В «Лютеции» все не как в империи,— язвит Рейнике.

Адъютант нем. В Берлине он прошел хорошую штабную школу и знает, что ни с кем не стоит портить отношений. Судьба коварна: этот штандартенфюрер с манерами выскочки может нежданно-негаданно оказаться со временем твоим собственным начальством.

В кабинет фон Бентивеньи Рейнике входит, вполне созрев для скандала. Нужен только повод, и он, как всегда, находится удивительно кстати. С первых же слов генерала у штандартенфюрера возникает желание наговорить ему колкостей.

— Господа,— начинает фон Бентивеньи.— Адмирал нами недоволен.
— Кем? — с нажимом спрашивает Рейнике.
— Теми, кому поручены ПТХ.
— И СД? И гестапо?
— Я сказал: всеми.
— Впервые слышу, чтобы адмирала Канариса назначили преемником Кальтенбруннера!
— Что за тон, штандартенфюрер?

— Надоело! — говорит Рейнике и с шумом встает. — Надоело, что все, кому не лень, мешают работе. В то время, как СД вкладывает в расследование максимум усилий, абвер слизывает сливки! Чем занят ваш радио-абвер? Туман, таинственность, планы, о которых мы не знаем ничего, кроме того, что они лежат в ваших сейфах! Какие-то палатки с почтальонами или черт еще с кем там, о существовании коих я узнаю самым последним, грандиозные проекты, вырабатываемые, по всей видимости, в борделях, и куча грязного белья, брошенного нам для стирки! Если надо кого-нибудь допросить, о, тогда, конечно, армия вспоминает о службе безопасности и с превеликим наслаждением спихивает ей все то дерьмо, о которое не желает пачкаться сама! Молчит радист? Запирается Коко? Отрицают все шпионы в Лилле? Вот тогда ваши люди бегут к нам! Не без задней мысли, разумеется! Что бы в дальнейшем ни произошло, но после передачи арестованных СД абвер рапортует: мы нашли и задержали врагов рейха, а эти младенцы из ведомства Кальтенбруннера, как обычно, испортили все. В результате ваши люди пожинают лавры, а мои выглядят в глазах фюрера обделавшимися щенками!

Кое-кто из гестаповцев встает. Гаузнер, на лысине которого пляшет отблеск люстры, трясет головой:

— Да, да, да...

Фон Бентивеньи, мягко ступая, выходит из-за стола.

— Благодарю, штандартенфюрер! Вы предвосхитили мои мысли!

Рейнике от изумления не успевает закрыть рот.

— Господа, — продолжает фон Бентивеньи. — Штандартенфюрер прав: пора! Пора объединить усилия. Адмирал Канарис дал мне полномочия самому решить, что и как следует сделать, чтобы выправить положение. Бригадефюрер Шелленберг, со своей стороны, обязуется оказать нам разумную помощь. Это тем более необходимо сейчас, когда под Сталинградом решается судьба империи. Надо ли говорить о весе и значении информации, получаемой русскими от ПТХ? Если я упомяну для примера, что русская разведка оказалась в курсе не только передвижений войск, но и кадровых перемещений в штабах и соединениях, вы, профессионалы, легко оцените, что это значит!

Шустер во все глаза глядит на генерала. Бентивеньи откровенен сверх принятого в абвере предела. Во всяком случае, сообщения, подобные этому, не принято делать в широком кругу, да еще и в присутствии СД. Уж не сдает ли позиции старый адмирал Канарис?

— Сошлюсь еще на один пример.

Фон Бентивеньи делает паузу.

— Факт, достойный сожаления... Три месяца мои люди вели разработку радиогруппы русских в Швейцарии. С терпением трапперов они шли по пятам за некоей Роз Марешаль, выясняя ее роль и связи! И что ж? Ваши сотрудники, штандартенфюрер, организовывают похищение Марешаль — похищение, сработанное на редкость бездарно! Результат? Марешаль у нас и молчит, один из чинов службы безопасности убит, швейцарцы протестуют...

— Плевать мне на протесты! — говорит Рейнике.

Он ошеломлен: гестапо не имеет ни малейшего отношения к этой истории. Однако не в его интересах разубеждать фон Бентивеньи. Пусть думает, что хочет. Рейнике только досадно — Шелленберг опять обошел всех: и Канариса, и Мюллера, и Кальтенбруннера. Вот уж с кем ни в коем случае нельзя играть, как с джентльменом!

Фон Бентивеньи сухо кивает. У него тон и манеры бухгалтера банка, отказывающего банкроту в ссуде.

— Рейхсминистр Риббентроп был вынужден обратиться к фюреру, и фюрер выразил неудовольствие. Сейчас не сороковой год, штандартенфюрер!

— Но я...

— К счастью, это были как раз не вы. Акцию осуществили подчиненные Шелленберга. Они наказаны.

Лучшего способа показать свою осведомленность фон Бентивеньи, пожалуй, не мог бы найти. Рейнике остается проглотить пилюлю. Он так и делает, мысленно пообещав генералу расплатиться за эту сцену. Публично уличить его, начальника отдела гестапо, в попытке присвоить себе чужой выигрыш!.. Или проигрыш? Последняя мысль хоть немного утешает Рейнике.

— К чему эти примеры, генерал? — говорит он небрежно и садится.

Фон Бентивеньи возится с замком портфеля. Замок тугой, и генерал не сразу справляется с ним и достает из внутреннего отделения голубой прошитый пакет.

— Директива имперской канцелярии, господа! Прошу ничего не записывать.

Сердце Шустера преисполнено гордости. Он будет присутствовать при оглашении документа особой важности! Он и Модель здесь самые младшие в чине, среди гестаповцев нет ни одного, чей ранг был бы ниже оберштурмбанфюрера.

Документ короток. Фон Бентивеньи складывает его и запирает портфель. С сердечной улыбкой смотрит на Рейнике.

— Примите мои поздравления, бригадефюрер!

Рейнике холодной рукой отвечает на пожатие. Кто, как и когда успел сговориться в Берлине за его спиной? Чин бригадефюрера, присвоенный декретом Гиммлера столь внезапно, не окупает забот, которые Канарис и остальные в один миг переложили на плечи Рейнике. Назначить его ответственным руководителем по проведению всех операций против ПТХ! Ловкий ход, за которым угадывается иезуитский ум старого адмирала. А Шелленберг? Разве комбинация могла обойтись без его участия?

— Прошу...

Фон Бентивеньи указывает на свое кресло, как на эшафот. Рейнике деревянным шагом обходит стол и садится.

— Господа... Я счастлив... Доверие фюрера...

Фон Бентивеньи аплодирует кончиками пальцев. Это так похоже на издевательство, что Рейнике свирепеет.

— Здесь уже говорилось о нашей ответственности перед историей! Да, это так! И мы, солдаты империи, сознаем свой долг. В час, когда под Сталинградом решается, быть или не быть миру национал-социалистским, я не потерплю от своих сотрудников беспечности и лени. Наш противник страшен. По его вине гибнут тысячи героев, отвоевывающих жизненное пространство у большевистских недочеловеков. Русская разведка здесь — форпост их линии обороны. Обрушимся же на нее всей мощью и обеспечим победу гению фюрера! Зиг-хайль, господа!

Зал вздрагивает от приветствия, повторенного трижды. Подвески хрустальной люстры сталкиваются со звоном, напоминающим Шустеру малиновую перекличку бубенцов. Она врезалась ему в память по поездке в Россию в декабре сорок первого, когда путь от аэродрома до Можайска он проделал на крестьянских санях, именуемых дровнями, — присланный за ним из штаба «оппель» засел в сугробе с замерзшим радиатором... О господи, в каких условиях приходится воевать лучшему в мире германскому солдату!

Рейнике переводит дух, пьет воду. Кадык его бегает по шее, как мышонок. Подвески продолжают звенеть.

— К делу, господа, — говорит Рейнике и сжимает в кулаке пустой стакан. — Комиссар Гаузнер немедленно отправится в Берлин и займется радисткой. О ходе допроса докладывать мне дважды в сутки.

Гаузнер делает ленивую попытку привстать.

— Да, бригадефюрер!

— Модель поедет в Марсель. Вдвоем с Шустером вам здесь тесновато, а у Мейснера горячая голова... Кстати, как ваши пальцы, Шустер?

Шустер взглядом испрашивает у фон Бентивеньи разрешения говорить, но генерал преувеличенно озабочен чернильным пятнышком на ногте мизинца и полирует ноготь платком. Отвечать или не отвечать? Вправе ли Рейнике быть посвященным в технические тонкости радио-абвера?

— Я жду! — говорит Рейнике.

— В Версале мы нащупали кое-что.

— Конкретнее?

— Бригадефюрер разрешит мне доложить ему позже?

— Здесь все свои!

— Я плохо выразился или дурно понят — для доклада требуется точность: адреса, данные координат. Боюсь, что на память я не смогу привести их.

Фон Бентивеньи прячет платок в задний карман брюк.

— Задержитесь, Шустер, и мы поговорим.

Шустер щелкает каблуками.

— Вечером я улетаю, — говорит фон Бентивеньи. — В Берлине мне зададут вопрос: когда? Когда, к какому сроку история с ПТХ станет достоянием архивов? Что мне ответить, бригадефюрер?

— Мне нужно...

— Месяц? — подсказывает фон Бентивеньи. И продолжает: — Я так и думал. Тридцати дней должно хватить на проведение операции. Вы свободны, господа...

Рейнике ждет, что генерал попросит его не спешить, им есть о чем поговорить, но фон Бентивеньи со старомодной галантностью провожает его до двери, и Рейнике только и остается, что откланяться, щеголяя выправкой.

— Хайль Гитлер!

— Хайль, — негромко откликается фон Бентивеньи и интимно добавляет: — Искренне завидую вам, бригадефюрер. Рейхсфюрер Гиммлер так настаивал на вашей кандидатуре, что даже у адмирала не нашлось желания возражать. Но это между нами, маленький военный секрет, не так ли?

К себе, в Булонский лес, Рейнике едет один. По дороге он приказывает шоферу свернуть в сторону от площади Согласия и ехать к набережной. Здесь, на третьем этаже доходного дома, живет мадам д'Юфрэ, знаменитая гадалка. Ее гороскопы отличаются точностью.

На лестнице пахнет кошками. Рейнике прижимает к носу платок и борется с тошнотой. У него очень нежное обоняние.

К мадам он входит без доклада, как свой человек... Карты и таблицы складываются в магические системы. Кости, брошенные поверх карт, своими цифрами предопределяют страницы книги пророчеств Каббалы. Звезда Рейнике — Марс. Мадам нараспев читает из книги, заставляет Рейнике трепетать.

— На что мне надеяться?

— На Успех, — говорит мадам торжественно. — На полный Успех всего задуманного, мой победитель!

Черный кот у нее на коленях сладострастно изгибается и мяукает, словно подтверждает пророчество. У него желтые глаза и профиль Мефистофеля. За это его и терпят.

17. НОЯБРЬ, 1942. ПАРИЖ, БУЛЬВАР ОСМАН, 24.

После отъезда Жака-Анри прошло всего несколько часов, а Жюль уже скучает. Они не просто привыкли друг к другу, но словно стали одним человеком с общими мыслями, чувствами и ощущениями. Кроме того, Жюль для Жака-Анри что-то вроде няньки, этакой пушкинской Арины Родионовны, и попечение о друге для него не обязанность, а скорее приятная необходимость. Аккуратный и точный в делах, Жак-Анри удивительно беспечен и непрактичен во всем, что касается его самого. Ему ничего не стоит уехать без платков или теплой пары белья, и Жюль прекрасно помнит, как в Испании под Пинелем Жак-Анри отдал ему всю воду из фляжки и на вторые сутки выяснилось, что он на грани жестокого обморока от жажды. Это произошло в те дни, когда термометр в тени редко опускался ниже отметки 30°...

Поболтав на углу со слепым Люсьеном о погоде и сунув ему в карман сигарету — традиция, введенная Жаком-Анри! — Жюль идет в контору. На вокзале все обошлось благополучно. Жюль издали наблюдал за посадкой и не отметил признаков слежки. Жак-Анри стоял у окна вагона с развернутой газетой, и это означало, что в купе нет подозрительных попутчиков. Патрули на перроне держались спокойно, гестаповцы в серых плащах с плюшевыми воротничками тоже не проявляли прыти, следя за посадкой; фельджандармы, подталкивая в спину, провели подвыпившего штаб-фельдфебеля; французский полицейский в крылатке спорил о чем-то с пожилым железнодорожником в измятой рубашке без галстука... Обычные для вокзала сцены. Скорый на Марсель отошел по расписанию.

«Три дня пролетят быстро, — думает Жюль, возвращаясь в контору. — Оглянешься, и нет их». Во втором кабинете он достает из тайника под подоконником расписание связи и, сверившись с ним, намечает программу на сегодня. Курьер из Берлина приедет вечером; от аэропорта Орли до «Эпок» он доберется часа за полтора, если повезет с машиной. С полковником из организации Тодта можно будет повидаться в полдень или чуть позже за аперитивом в баре. Там же назначена встреча со связным, осуществляющим контакт между «Эпок» и одним товарищем, внедренным в окружение Геринга. Товарищ этот не имеет ни имени, ни кодового псевдонима. Его сообщения связной берет из «почтового ящика», оборудованного в гараже разведки имперских ВВС. Знали бы фельдмаршал Мильх и генерал-полковник Иешоннек, кому они доверительно пересказывают новости!

Жюль — кадровый командир РККА и воюет там, где это необходимо. Но вот товарищ из министерства авиации Геринга — он немец. Один из курьеров эльзасец, еще один — француз. Их помощь России — чем она продиктована? Жюль проездом через Берлин встретился на несколько часов с тем товарищем. Это было в сорок первом, на третий или четвертый день войны. Жюль в упор посмотрел на полковничьи крылышки в петлицах мундира, на лицо собеседника и, не выдержав, отвернулся: самолеты люфтваффе уже бомбили Москву. Товарищ понял его взгляд.

— Да, — сказал он твердо, и скулы его напряглись. — Ты думаешь о том, что и я повинен в этом? Киев, Минск, теперь Москва...

В чужом произношении названия городов звучали незнакомо.

— Извини, — сказал Жюль.

— Можешь не подавать мне руки — операции разработаны в моем отделе.

— Тобой?

— И мной тоже.

— Ты мог бы уклониться! — беспощадно сказал Жюль.

— Разумеется. Но их все-таки разработали бы... Не думай, что я лишился сна от сознания вины за одно это. Я не сплю давно, с самого тридцать третьего.

— И служишь у наци?

— Не упрощай, товарищ! Постарайся понять: ненавидеть Гитлера и пассивно сопротивляться — не для меня. Концлагеря переполнены теми, кто думал тихим неприятием нацизма остановить его продвижение в стране. Католики, пацифисты, социал-демократы, тысячи и тысячи избирателей, полагавших, что с помощью бюллетеней они преградили Гитлеру дорогу в рейхстаг, — где они?.. Хорошо, не хочу больше об этом! Подумай лучше о другом, товарищ, — завтра русская авиация перехватит германские самолеты на подступах к своим городам, ибо время налетов она узнает от меня. Погибнут немцы. Для тебя они только фашисты, враги, а для меня — люди одной крови. Некоторых из тех, кого собьют, я знаю лично: с тем — учился, с этим — ухаживал за девушкой...

— Извини, — сказал Жюль.

— Ничего.

— Я все понимаю.

— Не все! Ты не спрашиваешь: «А зачем?», — но я все-таки отвечу. Потому, что эти жертвы — ничто в сравнении с теми, каких потребует Гитлер в уплату за планы мирового господства. Чем быстрее покончат с Гитлером, тем меньше крови прольется, в том числе и немецкой. Вот в чем суть!..

Почему именно этот разговор вспомнился сейчас? Жюль перебирает бумаги и думает о товарище из Берлина. После той встречи он ни разу не видел его — не было ни повода, ни возможности. О том, что тот жив и работает, Жюль мог узнавать только из коротких писем, привозимых курьером, писем, где не было ни строчки о нем самом.

Звонок телефона возвращает Жюля из Берлина в Париж.

— Это кафе «Дижон»? Я хотел бы заказать столик!

— Это зоосад! — шутит Жюль и вешает трубку.

Новый звонок раздастся примерно через полминуты: пароль убедил абонента — техника со станции, — что в конторе нет посторонних. Жюль откладывает бумаги и ждет вызова.

Телефон не запаздывает.

— Алло?
— У меня дежурство, старина, и очень удачное.
— Я так и подумал. Как мой номер?
— Не прослушивается, я проверял... Старина, мне удалось зацепиться за одну линию. Помнишь, она тебя интересовала?
— Неужели Рейнике?
— Он самый. Живет в Булонском лесу, но не в гестапо, а на частной квартире, его телефон обслуживается обычным коммутатором.
— Не может быть!
— Представь себе! Сейчас я как раз поймал такое, что выходит из ряда вон! Счастье, что я вовремя подключился... Завтра немцы — ты слышишь!— оккупируют свободную зону! У меня голова идет кругом, старина!
— Завтра?— говорит Жюль.— Это точно?!
«А Жак-Анри поехал в Марсель. Предупредить его и Пьера? Но как?» Жюль подносит губы к самому микрофону, словно боясь, что их услышат.
— Ты мог бы вызвать Марсель? От себя?
— Нет, конечно!
— Никак?
— Говорю тебе, нет.
— Попытайся!
— На междугородной работают немецкие телефонисты... Кстати, ты мне напомнил... Рейнике говорил что-то о телефонных палатках в Версале. И о каком-то капитане Шустере. Похоже, боши собираются разместиться там — какая-нибудь часть или штаб. А?
— Мало ли их в Версале!.. Постой! Ты говоришь — палатки?
— Рейнике беспокоится, что телефонистам станут мешать. Предупредил полицию и жандармов, чтобы не совали в палатки нос.
— Можешь соединить меня с номером?
— С каким угодно! Хоть с телефоном Штюльпнагеля!
— И сам выключишься.
— Идет. Называй номер...
Жюль называет и успевает спросить:
— А линия не прослушивается?
— Говорю тебе, свободна! Соединять?
— Я готов...
Далекий мужской голос отвечает на вызов.
— Выгляни в окно,— говорил Жюль.
— Это еще зачем?
— Не спрашивай! Выгляни и скажи, что ты видишь?
— Почтальона... Пьяного старика Жиго... Патруль прошел... Старик Жиго ретировался в подворотню...
— Ищи палатку.
— Вижу. В конце улицы. Ну и что?
— Немедленно уходи!
— Зачем?
— Уходи как можно скорее и брось все.
— И чемодан?
— Да, рацию получишь другую. Ты понял меня?
— Понял. Но я не одет.
— Исчезни из Версаля и больше никогда там не появляйся. Вечером будь в пассаже Лидо, я подойду к тебе... Вечером, в пассаже Лидо...
— Я понял...
Жюль вешает трубку и встает. Надо ехать в Версаль. Немедленно. Убедиться самому, что радисту удалось уйти... Но пока он поедет, пройдет уйма времени. Как быть?.. Это просто счастье еще, что Жак-Анри разгадал гестаповский трюк с палатками, а техник на редкость кстати нашел телефон Рейнике... А не пригодится ли полковник из организации Тодта? Он будет в полдень в баре.

До бара Жюль добирается на старом, отслужившем свой срок автобусе. В «Эпок» все телефоны переключены на старшую конторщицу, которой дан наказ отвечать, что господин Легран в отъезде, а Жюль, захворав, отправился к врачу и сегодня не вернется... Автобус плетется, приседая на перекрестках. Подолгу стоит на остановках, и Жюль, стиснутый на площадке двумя толстыми бретонками, печально вспоминает московский троллейбус, такой быстрый и удобный. Доведется ли ему еще поездить на нем? Перед самой войной по улице Горького до «Динамо» стали ходить двухэтажные машины; наверх с задней площадки вела лестница, похожая на корабельный трап, и кондукторши, стоя у нижней ступеньки, веселыми голосами кричали: «Которые на чердаке, все платили за проезд?» Жюль сажал на колени пятилетнюю дочь и показывал ей в окно Петровский парк и новый дом на площади Пушкина и сам с не меньшим любопытством, задирая голову, разглядывал скульптуру женщины на крыше этого углового дома, появившегося за месяцы одной из его командировок. Сам он с семьей жил в старом здании, с коридорной системой, где майоры и комбриги по утрам здоровались в очереди в ванную и где жены привыкли не удивляться долгим отлучкам мужей. На дверях ванной, помнится, висело суровое объявление, написанное женоргом: «Соблюдая личную гигиену, помни о гигиене товарища!» И командиры, моясь, побивали все рекорды по части быстроты.

У площади Пигаль Жюль, проскользнув меж бретонками, спрыгивает с подножки. Поправляет смявшийся пиджак и с самым беспечным видом входит в бар. Полковник уже за стойкой, тянет через соломинку из высокого бокала свой аперитив.
— Господин полковник! Какая встреча!
— Присаживайтесь,— прохладно отвечает полковник.
Жюль с польщенным видом пристраивается на самом краешке соседнего табурета.
— Один оранжад!
— Не разоритесь? — насмешливо спрашивает полковник.
— Что поделаешь, вся Франция зиждется на экономии.
— Скажите лучше: на скупости!
«Ну ты-то нам недешево обошелся!» — думает Жюль и мочит кончик языка в апельсиновом соке.
— Вы на машине? — спрашивает он полковника.
— Подвезти?
— Сочту за честь просить вас.
Полковник сам водит малолитражку. На свидания с Жюлем и Жаком-Анри он предпочитает приезжать в ДКВ и без шофера. Просто удивительно, как быстро он овладел правилами конспирации — правилами, которые никто ему не преподавал. Свой процент от сделок он хочет иметь без помех, не компрометируя себя связями с «Эпок». Совесть, как замечает Жюль, уже не тревожит его: очевидно, коммерческие выгоды заставили ее умолкнуть.
— Где ваш шеф? — спрашивает полковник, включая скорость.
— На водах.
— Печень?
— Что-то вроде.
— А мои бумаги? Он взял их с собой?!
— Они в сейфе,— говорит Жюль.— Да успокойтесь же! Вашим бумагам ничего не грозит.
— Я бы хотел получить их завтра же. Могут хватиться.
— Получите. И куртаж тоже! Или он вас не волнует?
Полковник рывком переключает скорость.
— Знаете что?..
— Догадываюсь,— кротко говорит Жюль.— Вы не очарованы нашим сотрудничеством. Я тоже. Боюсь, что при известных обстоятельствах вы постараетесь отправить меня в гестапо.
— Что за мысль?!
— Увы, вполне здравая...
— Вздор!.. Куда мы едем?
— В Версаль. Этой дороги хватит, чтобы поговорить обо всем...
«Успел или нет? — думает Жюль.— Чертовы палатки — с них начались провалы в Лилле и Брюсселе... Опять абвер. Он просто из кожи вон лезет!»
Первую палатку Жюль обнаруживает в начале тупика у площади, вторая стоит на перекрестке и третья — закупоривает выезд из улицы. Возле нее — дорожный знак. Если мысленно проложить линии, получится геометрически правильный треугольник, в центре которого — дом с ампирной лепкой по фасаду. В одной из квартир этого дома работал радист. Жюль отыскивает окно — второе слева на последнем этаже. Шторы задернуты. Кажется, обошлось...
— Минутку,— говорит он полковнику.— Остановитесь-ка здесь!
Возле дома с ампирной лепкой — общественный туалет. Жюль занимает крайнюю кабинку, ищет на кафельной плитке крестик... Все в порядке: крестик на месте и цифра тоже! «1110». Одиннадцать часов утра, десятое ноября. Жюль клочком бумаги стирает надпись. Выйдя на дневной свет улицы, щурится и старается не глядеть в сторону палатки. Теперь она может торчать здесь сколько угодно, хоть до второго пришествия.

Продолжение следует.

СЕРЕДИНЫ НЕТ

«Борьба не на жизнь, а на смерть,— подумал Дзержинский.— Или мы, или они. Тэрциум нон датур — третьего не дано!» В этих словах — главный пафос нового произведения Анатолия Марченко.

Хронологические рамки романа «Третьего не дано» предельно сжаты: март — август 1918 года. Но какие эти шесть месяцев! Вооруженное выступление анархистов, контрреволюционный заговор Савинкова, мятеж «левых» эсеров, подлые выстрелы классового врага, метившего в сердце революции. Ни сна, ни отдыха не знали чекисты, руководимые Ф. Э. Дзержинским.

А. Марченко сумел художественно убедительно, ярко показать процесс становления чекистов, закалявшихся в огне революционной борьбы. И бывший балтийский моряк Калугин, прямой, бескомпромиссный и кристально чистый боец; и Мишель Лафар, восторженный и романтичный юноша, жаждущий подвигов и славы, «весь устремленный в мировую революцию», как было сказано о нем в характеристике партячейки завода; и Юнна Ружич, пришедшая в ВЧК с еще не устоявшимися, а порой и путаными взглядами и закаляющаяся идейно с помощью чекистов,— все эти образы выписаны крупно, в динамике их развития.

Бесспорная заслуга писателя — образ Феликса Эдмундовича Дзержинского. Это, пожалуй, одна из серьезных попыток художественными средствами многогранно и емко показать характер верного ленинца, пламенного рыцаря революции. Мы видим Дзержинского в разных обстоятельствах и душевных состояниях. Вот он беседует с В. И. Лениным в кремлевском кабинете, мысленно «переплавляя» советы вождя в практические неотложные задачи ВЧК. Вот после обыска, проведенного чекистами на подмосковной даче, где прятали оружие савинковцы, идет он по лесу и осязаемо чувствует, как истосковался по природе. Вот спешит он из Петрограда в Москву, узнав о покушении на Ильича. Вот приезжает к раненому Мишелю в больницу и в задушевной беседе высказывает прекрасные мысли о женщине, сподвижнице революционера. И когда закрываешь прочитанную книгу, перед глазами встает цельный образ человека высокого долга, вся жизнь которого — горение во имя революционных идеалов.

Известно, что наши враги в бессильной злобе стремились да и ныне пытаются возводить клевету на Дзержинского, злопыхательски вопят о его «фанатичности» и «жестокости». Из этого они делают затем далеко идущие выводы о «жестокости» пролетарской революции вообще. Роман «Третьего не дано» наносит удар по этим вражеским измышлениям. Да, Дзержинский и ВЧК были беспощадны и непримиримы к тем, кто стоял по ту сторону баррикады и сознательно вел огонь по завоеваниям революции.

Но и Дзержинский и ВЧК всеми силами стремились «переломить» идейные взгляды тех, кто оказался в лагере классового врага случайно, по недомыслию, кто не смог, попав в революционный вихрь, сразу же решить, «в каком сражаться стане». Раскрытию этой темы служит в романе история бывшего офицера Ружича. И одна из сильных глав романа — допрос Дзержинским Ружича. Это своеобразный острый идеологический поединок, в котором правда на стороне Дзержинского, председателя ВЧК.

Всем своим содержанием, проникнутым духом коммунистической партийности, роман как бы подчеркивает ленинскую мысль о том, что в борьбе двух миров, двух идеологий середины нет.

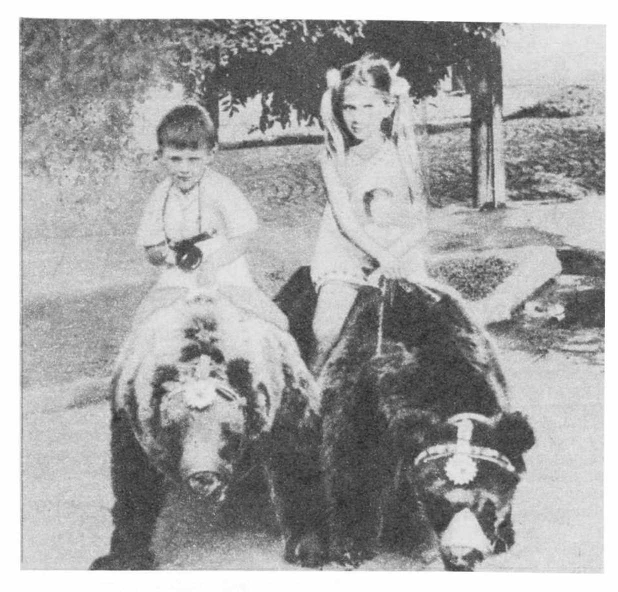
Н. ФЕДЬ,
кандидат филологических наук

Анатолий Марченко. Третьего не дано. Воениздат. 1970.

БУДЬТЕ ВНИМАТЕЛЬНЫ!

Итальянский фоторепортер запечатлел на пленку машину с такой надписью на заднем стекле: «Осторожно, водители! Везу новорожденного!»

СКАЧКИ НА МЕДВЕДЯХ

На болгарском курорте Поморие ребята получают большое удовольствие, катаясь на медведях.

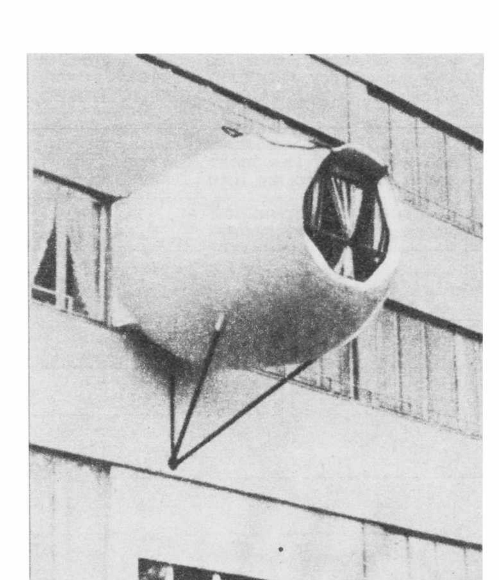

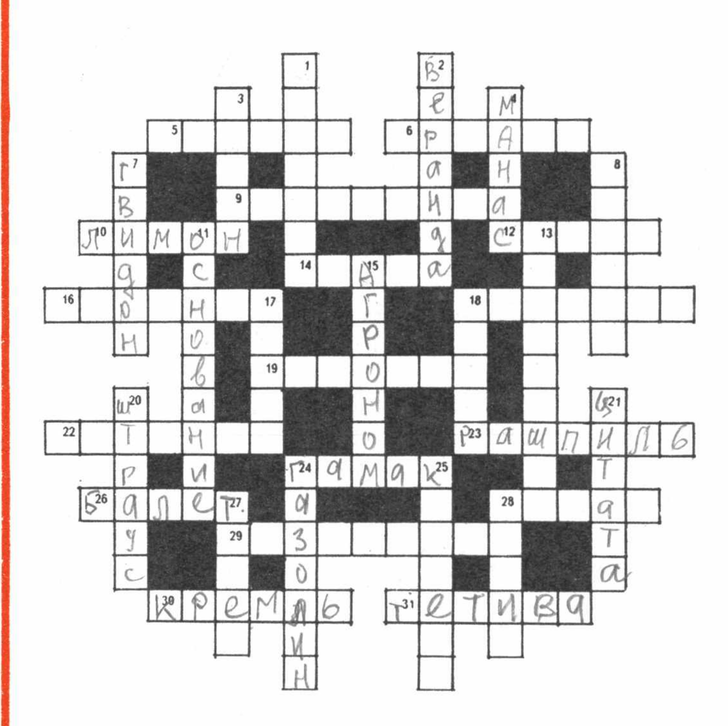
ПРОТИВ СОЛНЦА

Некоторые лондонские модницы появляются на улицах в очках с занавесочками.

ВЫХОД ИЗ ПОЛОЖЕНИЯ

В семье Лаша, живущей в Женеве, родился ребенок, и родители решили увеличить свою квартирную площадь. Для новорожденного они приделали к окну комнаты пластмассовый балкончик.

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Печатный шрифт. 6. Драма В. Гюго. 9. Сплав металла с ртутью. 10. Цитрус. 12. Яркая звезда в созвездии Девы. 14. Тропическое растение. 16. Персонаж комедии А. Н. Островского «Правда — хорошо, а счастье лучше». 18. Внесистемная единица количества теплоты. 19. Советский писатель. 22. Круглое сооружение с куполом. 23. Напильник с крупной насечкой. 24. Подвесное ложе. 26. Вид театрального искусства. 28. Овощное растение. 29. Часть почвы. 30. Укрепленный центр древних русских городов. 31. Бечева, стягивающая концы лука.

По вертикали: 1. Войсковое соединение. 2. Пристройка к зданию. 3. Духовой клавишный инструмент. 4. Киргизский народный эпос. 7. Действующее лицо оперы Н. А. Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтане». 8. Французский философ XVII века. 11. Сторона геометрической фигуры, перпендикулярная высоте. 13. Произведение Л. Н. Толстого. 15. Специалист по сельскому хозяйству. 17. Приток Мезени. 18. Старинный военный головной убор. 20. Австрийский композитор. 21. Выдержка из текста. 24. Продукт перегонки нефти. 25. Минеральное образование. 27. Сельскохозяйственная машина. 28. Река, протекающая по Прикаспийской низменности.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 23

По горизонтали: 7. «Консуэло». 8. Андерсен. 9. «Чародейка». 12. Миндоро. 13. Швабрин. 14. Канат. 16. Находка. 17. Олеандр. 18. Ориноко. 20. Ноктюрн. 22. Тайга. 25. Ледокол. 26. Секатор. 27. Австралия. 30. Конфетти. 31. Комплект. **По вертикали:** 1. Поэма. 2. «Гудок». 3. Форсунка. 4. Ножовка. 5. Ракетка. 6. Белгород. 10. «Порожняки». 11. Галактика. 14. Капот. 15. Тонна. 19. Радиатор. 21. Риторика. 23. Альтаир. 24. Гагарка. 28. Ватин. 29. Измир.

На первой странице обложки: БАЙКОНУР. Экипаж космического корабля «Союз-11». Командир корабля Г. Т. Добровольский, инженер-испытатель В. И. Пацаев и бортинженер В. Н. Волков перед стартом.

Фото специального корреспондента «Правды» Ю. Апенченко.

На последней странице обложки: БАЙКОНУР. 6 июня. Ракета-носитель с космическим кораблем «Союз-11» на стартовой площадке перед запуском.

Телефото А. Пушкарева (Фотохроника ТАСС).

Новый аттракцион «Автодром» на ВДНХ. **Фото Л. Бородулина.**

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. Д. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

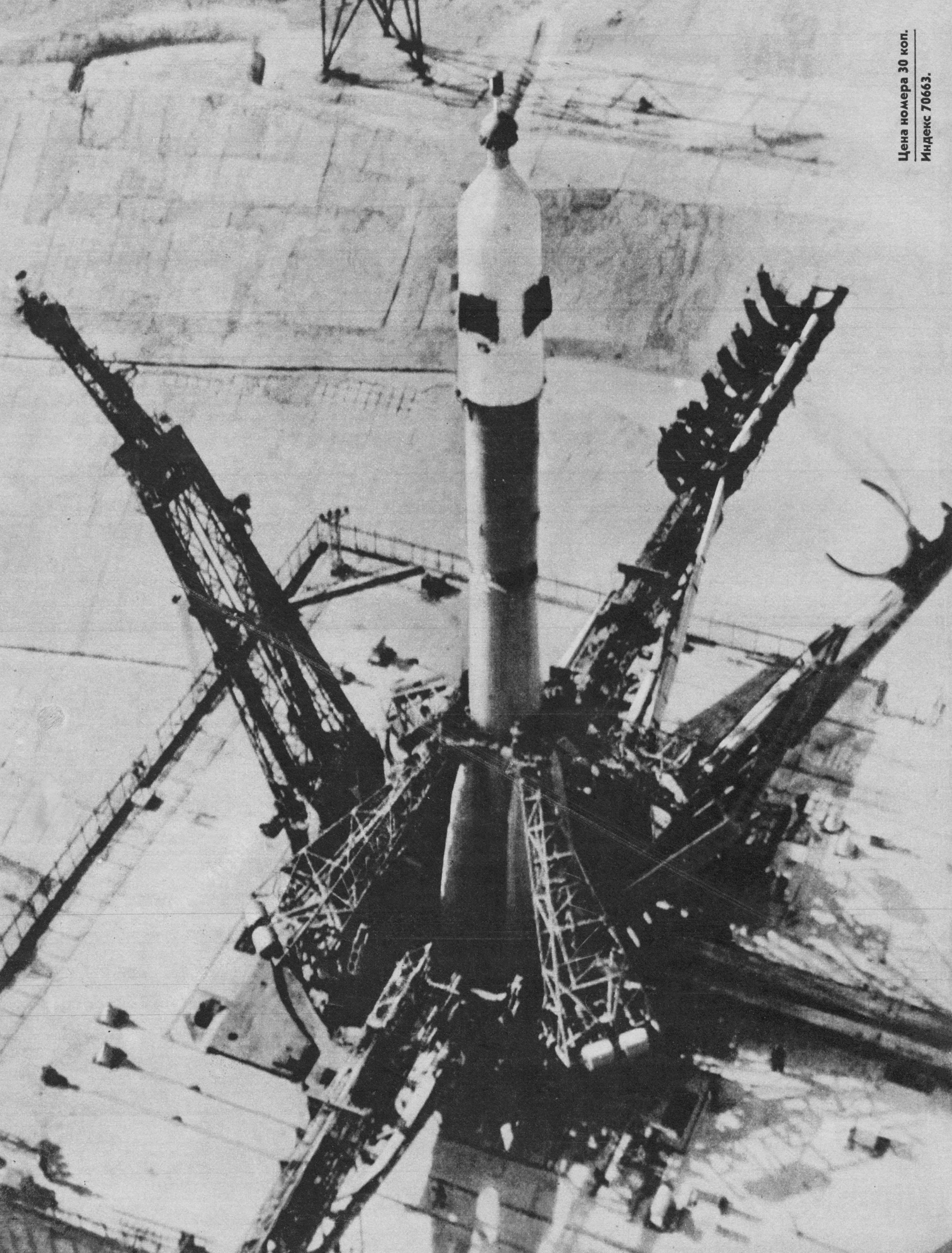
Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 25/V-71 г. А 00569. Подп. к печ. 8/VI-71 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1110. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 1371.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.